

Дело «Ассоциация 21 декабря 1989 года и другие (Association “21 Decembre 1989”) против Румынии»

(Жалобы №№ 33810/07 и 18817/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ¹

г. Страсбург, 24 мая 2011 г.

По делу «Ассоциация 21 декабря 1989 года и другие против Румынии» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Йозепа Касадеваля, *Председателя Палаты*,

Альвины Гюлумян,

Эгберта Мийера,

Инеты Зимеле,

Луиса Лопеса Герры,

Михая Поалелунджи, *судей*,

Флорина Стретяну, *судьи ad hoc*²,

а также при участии Сантьяго Кесады, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 3 мая 2011 г.,

вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами №№ 33810/07 и 18817/08, поданными против Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) тремя гражданами этого государства: Теодором Мэришем и Николае Влаसे и Еленой Влаसे, а так-

¹ Единственно официальными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках. Перевод на русский язык не налагает каких-либо обязательств на Совет Европы и Европейский Суд по правам человека.

© «Бюллетень Европейского Суда по правам человека».

² Согласно пункту 4 статьи 26 Конвенции судья *ad hoc* назначается в качестве судьи по делу председателем Европейского Суда из списка, заблаговременно представленного заинтересованной Стороной, в случае отсутствия судьи, избранного от Высокой Договаривающейся Стороны, или если он не может участвовать в заседании (*прим. переводчика*)

же юридическим лицом, учрежденным по праву Румынии, «Ассоциация 21 декабря 1989 года» (*Asociația 21 Decembrie 1989*) (далее – заявители), – 13 июля 2007 г. и 9 апреля 2008 г., соответственно.

2. Интересы заявителя Теодора Мэриеша и ассоциации-заявителя представляли Антоние Попеску, Иоана Сфырэйалэ и Ионуц Матей, адвокаты, практикующие в г. Бухарест. Последний также представлял интересы супругов Влаसे до 20 августа 2009 г. С этой даты их интересы представлял Дан-Серджу Опря, адвокат, практикующий в г. Брашов. Власти Румынии были представлены Агентом Рэзван-Хорациу Раду, представителем Министерства иностранных дел.

3. После отказа от участия в заседании Корнелиу Бырсана, судьи, избранного от Румынии, власти Румынии назначили Флорина Стретяну для участия в разбирательстве в качестве судьи *ad hoc* (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Суда).

4. Два заявителя, родители погибшей жертвы, и третий заявитель, участник демонстрации, в частности, ссылались на отсутствие эффективного расследования в отношении насильственного разгона антиправительственных демонстраций, которые имели место в декабре 1989 г.

5. 4 ноября 2008 г. Европейский Суд решил объединить жалобы в одно производство и коммуницировать их властям Румынии.

6. 2 марта и 11 мая 2009 г., соответственно, власти Румынии и супруги Влаसे просили рассмотреть их жалобу отдельно от жалобы, поданной ассоциацией-заявителем и Теодором Мэришем, в частности, в целях ускорения рассмотрения. Последние согласились с просьбой двух указанных заявителей.

7. Однако Европейский Суд не считает необходимым пересмотр своего решения об объединении двух жалоб в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда и разрешении их в едином постановлении, принимая во внимание фактическую и правовую связь между ними (Постановление Европейского Суда по делу «Молдован против Румынии» (*Moldovan v. Romania*) (№ 2), жалобы №№ 41138/98 и 64320/01, § 6, *CEDH* 2005-VII (извлечения)), что соответствует интересу надлежащего отправления правосудия (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Мария Атанасиу и другие против Румынии» (*Maria Atanasiu and Others v. Romania*) от 12 октября 2010 г., жалобы №№ 30767/05 и 33800/06, § 108).

8. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции Палата решила рассмотреть данную жало-

бу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Первый заявитель, «Ассоциация 21 декабря 1989 года», является объединением участников, травмированных потерпевших и родителей потерпевших, которые погибли во время разгона антиправительственных демонстраций, имевших место в Румынии в декабре 1989 г. во время свержения тогдашнего главы государства Николае Чаушеску, событий, известных как «Революция». Ассоциация, созданная 9 февраля 1990 г., отстаивает интересы потерпевших по уголовному делу, которое в настоящий момент ведет прокуратура при Высшем кассационном суде. Это дело рассматривается в связи с гибелью либо огнестрельными ранениями и жестоким обращением и лишением свободы, которым были подвергнуты тысячи людей в ряде городов страны.

10. Второй заявитель, Теодор Мэриеш, родился в 1962 году. Он участвовал в антиправительственных демонстрациях, которые проходили в Бухаресте с декабря 1989 г. и до июня 1990 г. В настоящее время он является председателем ассоциации-заявителя.

11. Третий и четвертый заявители, Елена Власе и Николае Власе, являются родителями Николае Н. Власе (также Никушор), погибшего в возрасте 19 лет во время разгона демонстрации в г. Брашов в декабре 1989 г.

A. ОБЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО РАЗГОНА ДЕМОНСТРАЦИЙ В ДЕКАБРЕ 1989 г.

1. События декабря 1989 г. и их последствия

12. 16 декабря 1989 г. в г. Тимишоара начались демонстрации против тоталитарного режима. 17 декабря 1989 г. по приказу президента республики Николае Чаушеску ряд высокопоставленных военных были направлены в г. Тимишоара для восстановления порядка. Следствием этого стали жестокие репрессии, повлекшие многочисленные жертвы. Начиная с 21 декабря 1989 г. демонстрации вспыхнули в Бухаресте, Брашове и других городах страны.

13. Военные операции, которые проводились в этой связи, повлекли многочисленные жертвы среди гражданского населения. Согласно письму, направленному первому заявителю 5 июня 2008 г. военной прокуратурой при Высшем кассацион-

ном суде, «более 1 200 человек погибли, более 5 000 ранены, тысячи людей были незаконно лишены свободы и подвергнуты жестокому обращению» в городах Бухарест, Тимишоара, Решица, Бузэу, Констанца, Крайова, Браила, Орад, Клуж, Брашов, Тыргу-Муреш и других. Кроме того, документы Министерства обороны, рассекреченные решением правительства № 94/2010 от 10 февраля 2010 г., свидетельствуют о том, что тысячи военных, располагавших десятками танков и других бронированных машин, были развернуты в Бухаресте и других городах. В период с 17 по 30 декабря 1989 г. они израсходовали большое количество боеприпасов.

14. Многие были убиты или ранены начиная с 17 декабря 1989 г. в г. Тимишоара, а также начиная с 21 декабря 1989 г. в Бухаресте. Согласно докладу от 24 июля 1990 г. управления военной прокуратуры (*Directia procuraturilor militare*) в ночь с 21 на 22 декабря 1989 г. «48 человек погибли и 150 человек были ранены в Бухаресте вследствие жестокого подавления силами правопорядка, которое включало применение огнестрельного оружия».

15. Многие были убиты или получили огнестрельные ранения также после 22 декабря 1989 г., когда глава государства того периода был свергнут.

16. В г. Брашов, где сын заявителей стал жертвой применения оружия и погиб, 38 других лиц были убиты из огнестрельного оружия в ночь с 22 на 23 декабря 1989 г., а другие – в последующие дни. Согласно документу, озаглавленному «выводы по результатам расследований, проведенных в связи с событиями, произошедшими в г. Брашов в период с 23 по 25 декабря 1989 г.», представленному властями Румынии и составленному группой из семи прокуроров и семи следователей, после официального объявления по государственному радио и телевидению о свержении диктатуры вооруженные силы, развернутые для защиты тоталитарного режима против демонстрантов, первоначально отошли в свои казармы, и представители демонстрантов смогли проникнуть в окружной совет. Вследствие ряда сообщений об опасности активизации контрреволюционных элементов (*elemente contrarevoluționare*) вечером 22 декабря 1989 г. командующий Брашовским гарнизоном генерал Ф. был вызван для координации «действий по защите» завоеваний революции. Он выделил 657 солдат из шести войсковых частей. Первые выстрелы произошли ночью, примерно в три часа утра.

17. Впоследствии, в 1990 году, многие общественные объединения, такие как ассоциация-заявитель и другая ассоциация под председатель-

ством второго заявителя, неоднократно собирали своих членов для протеста против «лиц и умонастроений, симпатизирующих коммунизму» на университетской площади в Бухаресте. Основные требования демонстрантов заключались в установлении ответственных за вооруженный разгон демонстраций в декабре 1989 г., а также в отставке новых лидеров.

18. В 1990 году военные прокуратуры в городах Бухарест, Тимишоара, Орадя, Констанца, Крайова, Бакэу, Тыргу-Муреш и Клуж начали расследования фактов применения силы и незаконного лишения свободы, имевших место в конце декабря 1989 г. В большинстве случаев, касавшихся событий в городах Тимишоара и Клуж-Напока, расследования завершились передачей дела в суд и обвинительным приговором в отношении некоторых высокопоставленных военнослужащих (что касается разгона демонстрантов в период с 17 по 22 декабря 1989 г. в г. Тимишоара, см. Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии» (*Şandru and Others v. Romania*) от 8 декабря 2009 г., жалоба № 22465/03, §§ 6–47).

19. На сегодняшний день основное расследование, касающееся применения насилия, особенно против гражданских демонстрантов, как до, так и после свержения Николае Чаушеску все еще продолжается в рамках уголовного дела № 97/P/1990. Установление обстоятельств гибели Никушора Власе и виновных в ней составляет часть этого дела.

2. Начало расследования по делу № 97/P/1990. Решение о прекращении дела от 20 сентября 1995 г.

20. Секция военной прокуратуры при Верховном суде начала расследование в отношении демонстраций 21 и 22 декабря 1989 г. Первоначально расследование касалось только лишения свободы более чем тысячи лиц и незаконного преследования нескольких десятков из них.

21. Решением от 24 июля 1990 г. секции военной прокуратуры, вынесенным в рамках дела № 76/P/1990, прокуратура решила выделить в отдельное производство дело об установлении лиц, которые в результате применения огнестрельного оружия и других средств причинили смерть и ранения большому числу людей. Новое дело было зарегистрировано под № 97/P/1990.

22. Согласно решению военной прокуратуры от 20 сентября 1995 г., вынесенному в рамках дела № 97/P/1990, предметом расследования было следующее:

«Для целей дела № 97/P/1990 следует также указать сроки, которые были приняты во внимание. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что расследова-

ние касается действий, совершенных в период времени, истекший между разгоном демонстрации по приказу Н. Чаушеску 21 декабря 1989 г. на Дворцовой площади и бегством диктатора, произошедшим в течение дня 22 декабря 1989 г.»

23. С 1992 года военной прокуратурой были приняты решения о выделении в отдельное производство дел, касающихся нескольких сотен потерпевших, подвергшихся насилию и незаконным задержаниям в течение дня 21 декабря 1989 г. Например, решения от 5 июня и 2 июля 1992 г. относятся к выделению в отдельное производство дел, касающихся Мариуса И. и Сорина Б., избитых солдатами. Впоследствии были вынесены решения о прекращении этих дел. Они были основаны на Декрете-законе № 3 от 4 января 1990 г., который предусматривал амнистию за определенные преступления, наказуемые лишением свободы на срок до трех лет.

24. 20 сентября 1995 г. прокурор С. секции военной прокуратуры при Верховном суде вынес решение о прекращении дела № 97/P/1990, касающегося лиц, убитых или раненных в результате применения огнестрельного оружия.

25. Вышеуказанное решение не устанавливало исчерпывающий перечень потерпевших, число которых было в нем определено как «130 убитых и раненых», по другим данным того же решения, насчитывалось 49 погибших и 89 раненых огнестрельным оружием мужчин, женщин, детей – представителей невооруженного гражданского населения, из которых лишь 42 были указаны по имени.

26. Согласно этому решению события происходили следующим образом: после демонстраций против режима, которые начались в г. Тимишоара, министр обороны, занимавший эту должность в тот период, отдал 17 декабря 1989 г. приказ бороться с демонстрантами (*dispoziție de luptă*). Согласно решению от 20 сентября 1995 г. приказ был составлен следующим образом: «Вооруженные силы должны придерживаться правил о предупреждении, [используя слова] “остановитесь, остановитесь, или я буду стрелять”; в случае неподчинения предупреждению следует выстрелить в воздух, затем, если предупреждение будет по-прежнему проигнорировано, следует стрелять по ногам». Решение от 20 сентября 1995 г. не уточняло, какие ситуации требовали вооруженного вмешательства.

27. Далее в решении указано, что не представлялось возможным установить точную последовательность событий, учитывая масштаб противостояния «между тысячами или десятками тысяч демонстрантов, с одной стороны, и между сотнями или тысячами военнослужащих сил подавления». Прокуратура также напомнила, что «после паде-

ния тоталитарного режима возник настоящий паралич государственных учреждений в ситуации всеобщего хаоса и смятения», так что невозможно было провести осмотр места происшествия, собрать доказательства, провести баллистическую экспертизу или вскрытие тел потерпевших. Также было отмечено, что «многие учреждения, сотрудники которых принимали участие в разгоне демонстрантов, уклонялись от сотрудничества и не оказывали эффективную помощь в установлении фактов».

28. Кроме того, хотя 235 человек, часть которых имели пулевые ранения, были задержаны и подвергнуты жестокому обращению в управлении милиции в Бухаресте (*Miliția capitalei*), Министерство внутренних дел отказалось назвать руководителей сотрудников, совершивших эти преступления.

29. В решении от 20 сентября 1995 г. упоминалось также, что ни один военный или государственный служащий не стал жертвой насилия в этом случае, поэтому открытие огня против гражданских демонстрантов, которые не были вооружены и не представляли опасности, являлось незаконным.

30. Что касается уголовной ответственности за гибель и ранения, причиненные военнослужащими Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Департамента государственной безопасности («Секуритате» – *Securitatea*), в решении делался вывод о том, что ее несут исключительно лица, которые отдавали приказы открыть огонь, а именно глава государства того времени, который также был верховным главнокомандующим армии, и его министры обороны и внутренних дел, а также глава Департамента государственной безопасности и «другие члены исполнительного политического комитета¹ Коммунистической партии», имена которых в решении не упоминались. Что касается министра внутренних дел и главы департамента безопасности, а также «других членов исполнительного политического комитета», в решении указывалось, что они уже были осуждены в связи с теми же фактами, без указания на номера дел или обвинительные приговоры. Что касается бывшего министра обороны, решение сняло с него обвинения в связи с его смертью.

31. Наконец, в решении указывалось, что лишь немногие из военных, которые без приказа лично стреляли в демонстрантов, были установлены, например, генерал А.С. В тех случаях, когда они

были установлены, расследования в их отношении были выделены в отдельное производство и стали предметом других уголовных дел; они больше не являлись частью дела № 97/P/1990.

3. Два решения прокуратуры при Высшем кассационном суде от 7 декабря 2004 г.

32. По требованию Мэриеша и ассоциации-заявителя секция военной прокуратуры при Высшем кассационном суде решением от 7 декабря 2004 г. отменила решение от 20 сентября 1995 г., вынесенное по делу № 97/P/1990, как незаконное и необоснованное. Среди оснований незаконности прокуратура указала, что в решении от 20 сентября 1995 г. отсутствовало точное указание лиц, в отношении которых дело было прекращено, и что в нем использовалась безличная формулировка «другие члены» исполнительного комитета коммунистической партии. Другим основанием незаконности послужил тот факт, что решение не было доведено ни до потерпевших, ни до обвиняемых.

Кроме того, прокуратура указала, что, несмотря на доказательства, имеющиеся в уголовном деле, в решении от 20 сентября 1995 г. не затрагивались вопросы ответственности начальника патриотической гвардии полковника П.С. и ответственности военных, которые организовали исполнение приказов, отданных главой государства или его министрами.

Прокуратура отметила, что некоторые потерпевшие не были заслушаны в ходе расследования, что военные, принадлежавшие к частям, развернутым для разгона демонстрантов, не были заслушаны в ходе расследования, что не были истребованы и, следовательно, не были исследованы журналы войсковых частей, привлеченных к разгону, и что расследование не касалось возможной причастности других государственных учреждений, например, использования почтовых транспортных средств, предназначенных для перевозки заключенных.

33. Решением, принятым в тот же день, 7 декабря 2004 г., секция военной прокуратуры предъявила обвинение 102 лицам, преимущественно офицерам, включая высокопоставленных, армии и милиции, а также бывших сил «Секуритате», в убийстве (статьи 174–176 Уголовного кодекса), геноциде (статья 357 Уголовного кодекса), бесчеловечном обращении (статья 358 Уголовного кодекса), покушении, пособничестве, подстрекательстве в отношении этих преступлений и соучастии в широком смысле (*participație improprie*) в них, в связи с действиями, совершенными «в период с 21 по 30 декабря 1989 г.». 16 гражданским лицам, в том числе бывшему президенту Румынии,

¹ Вероятно, имеется в виду политисполком, орган наподобие политбюро, избираемый ЦК, высшим органом РКП в период между съездами. По-видимому, он же именуется в тексте настоящего Постановления центральным исполнительным комитетом (*прим. переводчика*).

бывшему главе румынской разведывательной службы¹, также были предъявлены обвинения.

4. Ход расследования после 2004 года: отдельные уголовные дела, объединенные в одно производство с делом № 97/P/1990

34. Большинство уголовных дел, касающихся разгона демонстрантов со смертельным исходом в декабре 1989 г., которые в первое время расследовались отдельно, были объединены в одно производство с делом № 97/P/1990.

35. Решением от 9 января 2006 г. секция военной прокуратуры постановила, что дело, касающееся расследования насильственного разгона демонстрации в Брашове, в ходе которого был убит сын заявителей Власе, должно быть объединено в одно производство с делом № 97/P/1990. Это решение было мотивировано тем, что командиры, действовавшие в Брашове с 16 по 30 декабря 1989 г., подчинялись генералу Г.В., командующему первой армией.

36. Как следует из письма секции военной прокуратуры от 22 мая 2009 г., 126 решений о прекращении дела, относящихся к отдельным уголовным делам, были отменены, и эти дела были объединены в одно производство с делом № 97/P/1990.

37. Также к делу № 97/P/1990 после отмены первоначальных решений о прекращении дела были присоединены дела, касающиеся в общей сложности сотен потерпевших, убитых и раненных в Бухаресте, в районе государственного телевидения и на улице Антиаэрянэ, и в городах Брэйле, Констанце, Тыргу-Муреше и Слобозии. Решения о прекращении дел основывались на отсутствии уголовной ответственности, в основном, в связи с фактической ошибкой и временной невменяемостью причастных лиц. В решениях об отмене утверждалось, что в решениях о прекращении дел не были указаны преступления, имена обвиняемых, и не были упомянуты потерпевшие периода с 22 по 30 декабря 1989 г.

5. Следственные действия, произведенные после решения от 7 декабря 2004 г. по делу № 97/P/1990

38. В письме от 5 июня 2008 г., адресованном ассоциации-заявителю, заместитель главного прокурора секции военной прокуратуры при Высшем кассационном суде указал, что в период с 2005 по 2007 год по делу № 97/P/1990 были заслушаны 6 370 человек. Кроме того, были проведены 1 100 баллистических экспертиз, более 10 000 следственных действий (*investigații în teren*)

и 1 000 осмотров места происшествия (*cercetare la fața locului*). Он также отметил, что «среди причин задержки [расследования] следует отметить неоднократные меры... направленные на передачу дела от одного прокурора к другому... тот факт, что прокуроры своевременно не доводили до сведения потерпевших решения о прекращении дела... и то, что расследование было возобновлено только через несколько лет после подачи жалоб заинтересованными лицами... отсутствие сотрудничества со стороны учреждений, участвовавших в разгоне демонстрации в декабре 1989 г. ...чрезвычайную сложность расследования... то, что необходимые следственные действия не были предприняты сразу после указанных убийств и жестокого обращения...».

В вышеуказанном письме упоминается также другая причина задержки, а именно решение № 610/2007 Конституционного суда от 16 июля 2007 г., лишившее военных прокуроров секции военной прокуратуры при Высшем кассационном суде полномочий по расследованию дела № 97/P/1990, которое подлежало передаче гражданским прокурорам, то есть в прокуратуру при Высшем кассационном суде. Согласно мнению, выраженному главой секции военной прокуратуры в указанном письме от 5 июня 2008 г., передача дела может привести к новым задержкам в разбирательстве, принимая во внимание значительный объем дела, сложность дела и отдаленность во времени событий, являющихся предметом расследования.

39. По данным, приведенным властями Румынии, после возобновления расследования 2 800 свидетелей и 320 потерпевших были допрошены в 2007 году, тогда как только 72 свидетеля и 38 потерпевших были допрошены в 2005 году. 460 потерпевших и 210 свидетелей были допрошены в 2008 году. 443 фотоальбома и фототаблицы были исследованы в 2006 году и 175 – в 2007 году.

40. Решением от 15 января 2008 г. секция военной прокуратуры при Высшем кассационном суде решила отделить расследование, касающееся 16 обвиняемых гражданских лиц (таких как бывший президент Румынии, бывший глава румынской разведывательной службы), от расследования, касающегося военнослужащих, и отказаться от соответствующих полномочий в пользу прокуратуры при Высшем кассационном суде.

41. Согласно коммюнике от 10 февраля 2009 г. государственного информационного бюро Высшего совета магистратуры председатель Совета направлял в Судебную инспекцию запрос об установлении причин, которые препятствовали оперативному завершению расследования уголовного дела (*va solicita Inspecției Judiciare stabilirea cauzelor nesoluționării cu celeritate a cercetărilor penale*).

¹ Вероятно, имеется в виду Департамент внешней информации ДПЕ, в тот период исполнявший функции внешней разведки (прим. переводчика).

В. КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С РАССЛЕДОВАНИЕМ ГИБЕЛИ НИКУШОРА ВЛАСЕ

42. Согласно свидетельству о смерти Никушор Власе скончался 23 декабря 1989 г.

43. В первое время расследование его гибели осуществлялось в рамках уголовного дела № 158/Р/1990 военной прокуратурой г. Брашов. Решением от 9 января 2006 г. это дело было объединено в одно производство с делом № 97/Р/1990.

1. Начало расследования

44. В заключении, составленном 3 января 1990 г. по результатам наружной судебно-медицинской экспертизы без вскрытия, выполненной в судебно-медицинской лаборатории в Брашове, указано, что смерть наступила в результате огнестрельного ранения, которое спровоцировало наружное кровотечение. Согласно заявлению от 27 ноября 2008 г. офицера С., который в период, относящийся к обстоятельствам дела, был военным медиком военного госпиталя в Брашове, он получил приказ не проводить вскрытие тел.

45. 26 февраля 1990 г. тот же врач военного госпиталя С. подготовил отчет начальнику милиции округа Брашов по требованию капитана [П.]. В этом отчете он заявил, что «23 декабря 1989 г., между 3 и 5 часами утра, из Брашова был доставлен труп Власе Николае, 19 лет, убитого во время Революции в районе окружного совета» и что «26 декабря 1989 г. он был доставлен в морг для вскрытия».

46. Заявители, которые осматривали следы насилия на теле их мертвого сына и отметили, что его огнестрельное ранение все еще кровоточило, подозревали, что он умер не ранним утром 23 декабря 1989 г., под обстрелом в толпе демонстрантов, а позднее. В результате их обращений в военную прокуратуру в г. Брашов останки тела Никушора были эксгумированы и проведено вскрытие тела; заключение судебно-медицинской экспертизы было составлено 13 марта 1991 г. Несмотря на просьбы заявителей, власти не согласились на участие во вскрытии иностранных экспертов или врача, назначенного заинтересованными лицами.

47. Позднее, в течение 1991–2008 гг., заявители направляли многочисленные жалобы в прокуратуру при Верховном суде, в Министерство юстиции и президенту Румынии. Они просили, чтобы все, кто пытал их сына и убил его, были установлены и привлечены к ответственности. В 1999 году они получили первые данные о ходе расследования. Как утверждала заявительница, до этой даты четверо прокуроров, ответственных за расследование, ограничивались тем, что устно рекомендовали ей пройти лечение в больнице, и упрекали ее

в том, что если бы она следила за своим сыном, он не был бы убит.

2. Решение о прекращении дела от 28 декабря 1994 г.

48. Решением от 28 декабря 1994 г., не доведенным до заявителей, военная прокуратура г. Брашов прекратила производство по делу № 158/Р/1990 в отношении 39 убитых лиц, в том числе сына заявителей Власе, и 82 раненых в г. Брашов ночью с 22 на 23 декабря 1989 г.

В решении указывалось, что не было возможности установить точное место в центре города, где упал каждый человек, поскольку тела уносили до того, как прекратилась стрельба, на протяжении ночи, и их опознание произошло позже, в морге военного госпиталя, в окружной больнице или в лаборатории судебно-медицинской экспертизы, куда они были доставлены.

Констатировав, что сотни вооруженных военнослужащих привлекались для защиты наиболее важных учреждений города от готовящегося нападения, хотя и не указав их наименований, военная прокуратура отметила, что «огонь был открыт по ошибке, без приказа, при особых обстоятельствах момента, а именно под влиянием стресса, страха перед предполагаемыми террористами, усталости военнослужащих». Гражданское население оказалось под перекрестным огнем военных, занявших противоположные позиции. Большое число потерпевших в ночь с 22 на 23 декабря 1989 г. в центре г. Брашов также объясняется тем фактом, что военнослужащие национального Министерства обороны израсходовали более чем 270 000 патронов, милицейские части «Секуритате» – 1 079 патронов и патриотическая гвардия и гражданские лица, которые получили оружие – 39 480 патронов. Использовались также пулеметы, и было брошено более 100 гранат.

Военная прокуратура полагала, что отсутствие здравого смысла у командиров Брашовского гарнизона, которые не принимали во внимание настроения подчиненных им военнослужащих и их состояние усталости и стресса, не могло повлечь их уголовную ответственность. Военная прокуратура учла в их пользу отсутствие у кадровых военных опыта ведения боя в городской среде и тот факт, что перед применением огня ими не были предприняты действия с целью установления связи между частями, развернутыми в этом районе.

49. В соответствующей части данного решения указывалось следующее:

«В тот момент, когда огонь был открыт в центре города, там находились сотни людей, в том числе женщины и молодежь, которые откликнулись на

призыв национального телевизионного канала выйти на улицы, поскольку революция была в опасности.

Все эти гражданские лица оказались под перекрестным огнем военных, занявших противоположные позиции, и те из них (женщины и молодежь), которые не проходили военную службу, не знали о том, что необходимо лечь на землю. Более того, даже военнослужащие, застигнутые врасплох, стояли, когда началась стрельба.

При данных обстоятельствах в первые минуты после того, как был открыт огонь, десятки людей, в том числе военных, пострадали от пуль.

Все военные, находившиеся той ночью в центре Брашова, и большинство которых было допрошено, заявляли, что испытывали усталость, поскольку большинство из них находилось там с предыдущей ночи, с 21 на 22 декабря 1989 г., что они были напуганы, узнав о происходящих в Бухаресте событиях, и что они зарядили оружие по собственной инициативе, поскольку ждали нападения с минуты на минуту.

При таких обстоятельствах достаточно было того, что гражданское лицо И.Е. произвело первые выстрелы в направлении лиц, которых оно считало подозрительными, чтобы все военные, находящиеся в центре города, открыли, в свою очередь, огонь без предварительного приказа их командиров. (...)

Все вооруженные лица, как военные, так и гражданские, которые использовали огнестрельное оружие в ночь с 22 по 23 декабря 1989 г. в центре города, действовали добросовестно и были привержены революции, будучи убеждены в том, что они действовали для ее спасения. Они применяли огнестрельное оружие из-за царившей растерянности, сильного страха и подозрительности, охвативших всех, кто находился на улице».

3. Продолжение расследования с 1999 года по настоящее время

50. В своем письме от 9 июля 1999 г. главный прокурор военной прокуратуры Брашова уведомил заявителя Николае Власе о том, что расследование гибели его сына окончилось решением о прекращении дела «в связи с фактической ошибкой, которая исключала уголовную ответственность». Согласно письму расследование установило, что сын заявителей скончался «в ходе событий декабря 1989 г.», без каких-либо уточнений, касающихся места, времени и других обстоятельств наступления смерти. Далее в письме излагались выводы заключения судебно-медицинской экспертизы, составленного 13 марта 1991 г., после эксгумации останков, согласно которым смерть Николае Н. Власе была насильственной, вызванной наружным кровотечением, являвшимся следствием разрыва левой бедренной артерии выстрелом из огнестрельного оружия. В письме также указывалось, что судебно-медицинская эксперти-

за не обнаружила других следов насилия на теле потерпевшего, за исключением ссадины размером 2 кв. см на тыльной стороне правой руки.

51. Заявительница Елена Власе оспорила это решение в секции военной прокуратуры при Верховном суде.

52. Решением от 30 августа 1999 г. секция военной прокуратуры отменила решение о прекращении дела, вынесенное 28 декабря 1994 г., в связи с тем, что расследование имело пробелы, и «отсутствовали доказательства, позволяющие исключить ответственность лиц, которые должны были руководить и координировать действия военных... таким образом, чтобы сохранить контроль над ситуацией и избежать гибели или ранения невинных лиц». В том же решении секция военной прокуратуры отметила, что обстоятельства, при которых 600 винтовок «типа ZB» были розданы гражданским лицам, не подготовленным к их использованию, не были выяснены. Более того, лица, прямо ответственные за смерть 39 человек и за причинение ранений 82 другим военным и гражданским лицам, не были установлены.

53. 23 марта 2001 г., 21 июля и 25 ноября 2003 г., 25 января, 18 октября и 24 декабря 2005 г. и 3 января 2006 г. заявители повторно подавали заявления о возбуждении уголовного дела в отношении милиционеров, агентов «Секуритате» и врачей, причастных, по их мнению, к насильственной смерти ее сына.

54. Письмом от 11 июля 2001 г. секция военной прокуратуры при Верховном суде сообщила заявительнице Елене Власе, что расследование гибели ее сына продолжается.

55. Письмом от 21 октября 2002 г. начальник тюрьмы в г. Кодля направил в секцию военной прокуратуры заявление заключенного М.С., сделанное в 1990 году, относящееся к убийству сына заявителей в декабре 1989 г. По словам этого свидетеля, Никушор был убит милиционером, когда он содержался в отделе милиции округа Брашов.

56. Письмом от 18 декабря 2003 г. министр юстиции ответил Елене Власе, что жалоба на задержку в расследовании уголовного дела о смерти ее сына была направлена в прокуратуру при Высшем кассационном суде.

57. Решением от 9 января 2006 г. прокуратура объединила в одно производство дело о насильственном разгоне демонстрации в Брашове и дело № 97/P/1990, поскольку военные командиры, действующие в Брашове с 16 по 30 декабря 1989 г., подчинялись генералу Г.В., командующему первой армией.

58. В письмах от 27 января и 5 ноября 2007 г., основываясь на заявлениях свидетеля М.С., заяви-

тели просили секцию военной прокуратуры при Высшем кассационном суде допросить для целей расследования некоторых лиц, таких как военные прокуроры и судебный медик. Кроме того, они просили исследовать выполненную ими видеозапись, на которой демонстрировалось мертвое тело их сына со следами пыток.

59. Согласно письму, которое секция военной прокуратуры при Высшем кассационном суде направила заявительнице Власе 4 апреля 2008 г., расследование гибели сына заявителей было продолжено в рамках уголовного дела № 97/P/1990 (см. вышеприведенный раздел А).

60. В письмах от 16 октября 2008 г. и 29 января 2009 г. Высший совет магистратуры ответил на жалобу заявительницы Елены Власе, касающуюся неэффективности расследования смерти ее сына. Совет сообщил, что он пришел к выводу о том, что в периоды с 1994 по 2001 г. и с 2002 по 2005 г. не предпринималось никаких следственных действий, направленных на установление ответственных за смерть ее сына. Затем он разъяснил, что никакие меры не возможны, поскольку прокуроры не могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности по истечении одного года после правонарушения.

Наконец, Совет указал, что после декабря 2004 г. следственные действия осуществлялись надлежащим образом, так что ответственность на прокуроров, осуществлявших расследование, не могла быть возложена.

4. Иск в порядке гражданского судопроизводства заявителей Елены и Николае Власе

61. В неустановленную дату в 2004 году заявители обратились в суд с иском к Министерству обороны, Министерству внутренних дел, румынской разведывательной службе. Они требовали компенсации со стороны учреждений, которые, как они считали, несли ответственность за смерть их сына, и за воспрепятствование ее расследованию.

62. Решением от 31 января 2005 г. Брашовского окружного суда в принятии их заявления было отказано по причине неуплаты в полном объеме государственной пошлины (*insuficienta timbrare a acțiunii*), хотя суд принял к сведению сообщение заявителей о том, что они не имеют средств для уплаты государственной пошлины в полном объеме. Это решение было оставлено без изменения Брашовским апелляционным судом 5 мая 2005 г. Заявители подали кассационную жалобу. 1 марта 2006 г. они обратились в кассационный суд с ходатайством о приостановлении разбирательства по их жалобе до принятия прокуратурой решения в рамках расследования смерти их сына и обяза-

нии прокуратуры уведомить их о своем решении. Жалоба заявителей была признана поданной за пределами срока. 14 февраля 2008 г. Высший кассационный суд принял решение о прекращении производства по делу.

С. КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КАСАЮЩИЕСЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ТЕОДОРА МЭРИЕША

1. День 21 декабря 1989 г.

63. В полдень 21 декабря 1989 г. заявитель столкнулся на улицах Бухареста с бегущей в панике толпой. Он узнал, что собравшиеся по призыву Николае Чаушеску были разогнаны. Он решил присоединиться к группе, направлявшейся к университету, которая скандировала антикоммунистические лозунги.

64. Рядом с университетской площадью кордон солдат со щитами блокировал движение демонстрантов. После столкновения солдаты начали преследовать нескольких демонстрантов, в том числе заявителя, который пытался скрыться.

65. К 16 часам демонстранты, среди которых находился заявитель, попытались подойти к зданию центрального комитета коммунистической партии, однако были остановлены солдатами, экипированными щитами. Заявитель заметил бронетранспортер на заблокированной улице. Спустя час и 15 минут три бронетранспортера атаковали демонстрантов. Заявитель и некоторые другие демонстранты следовали за одним из бронетранспортеров до момента, когда в результате его внезапного маневра в направлении боковой улицы они оказались перед кордоном вооруженных солдат, которые открыли огонь по толпе. Затем заявитель и другие демонстранты попытались спастись бегством, чтобы избежать пуль, летевших отовсюду в их направлении, которыми было убито много людей вокруг.

66. Заявителю удалось вбежать во двор, который был уже полон демонстрантов и усеян разбитыми стеклами. Поняв, что на бульваре нельзя находиться из-за непрерывной стрельбы приближавшихся военных и что он заблокирован во дворе, заявитель вместе с другими людьми сумел перелезть через стену, чтобы скрыться. Он двинулся по направлению к Национальному театру, где остался вместе с другими демонстрантами, окруженный милицией (*miliția*) и бронетранспортерами, в условиях, непригодных для дыхания из-за слезоточивого газа и пороха.

67. Из документов уголовного дела, в том числе из показаний свидетелей (показания Дана Д. от 13 февраля 2005 г., Флорики Н. от 5 июня 2006 г. и Йона А.), а также из милицейского рапорта следу-

ет, что заявитель Теодор Мэриеш находился среди демонстрантов, по которым был открыт огонь в районе университетской площади 21 декабря 1989 г.

68. Из журналов боевых действий от 21 декабря 1989 г. и других документов вооруженных сил, включая расшифровку переговоров по спецсвязи от 21 декабря 1989 г., следует, что приказ «ликвидировать демонстрантов» и задержать тех, кто остался в живых, и поместить их в Жилавскую тюрьму был отдан и принят к исполнению. Эти документы также содержат сведения о численности развернутых вооруженных сил и милиции, в том числе в районе университетской площади, располагавших оружием и бронетехникой, включая танки, а также о количестве боеприпасов, использованных в тот день. Десятки демонстрантов были убиты выстрелами, в том числе автоматными очередями, либо раздавлены бронетехникой, и их тела были оставлены на виду у демонстрантов.

69. Из показаний ряда военнослужащих вооруженных сил, часть которых выступала обвиняемыми, и других свидетелей – гражданских лиц, имеющих в уголовном деле, следует также, что 21 декабря 1989 г. в районе университетской площади около тысячи человек были задержаны милицией с применением силы, жестоко избиты и заключены под стражу (см. показания военнослужащих Флорина М. от 25 января 1990 г. и Лауренциу Б. от 26 ноября 2008 г., а также свидетельские показания Марии В. от 23 января 1990 г. и Иляны С. от 12 марта 1990 г.).

70. После 23 часов ночью 21 декабря 1989 г. заявитель вернулся к себе домой. Там он узнал, что его разыскивали несколько человек. Затем стало известно, что представители государства готовили ордера на арест всех участников демонстрации и что только масштаб событий, произошедших на следующий день, помешал им это сделать. Он указал, что в течение всего дня демонстрантов снимали на киноплёнку и фотографировали для целей преследования властями.

2. День 22 декабря 1989 г. и его последствия

71. Утром 22 декабря 1989 г. заявитель вернулся в центр города, чтобы присоединиться к демонстрации перед зданием центрального комитета коммунистической партии. Придя туда, он сумел проникнуть в здание комитета через окно с помощью других демонстрантов. Оказавшись в здании, он обнаружил винтовки и ящики с боеприпасами.

Несколько демонстрантов, включая заявителя, взяли винтовки и побежали на верхние этажи и крышу здания с намерением остановить вертолет, который готовился к отлету с президентской четой и другими членами центрального исполнительно-

го комитета. На последнем этаже они встретили двух телохранителей Николае Чаушеску, с которыми пришлось бороться, чтобы иметь возможность попасть на крышу, откуда должен был взлетать вертолет. Вернувшись в коридоры, они встретили чиновника, который пригласил их в кабинет, где они обнаружили других должностных лиц. После получения от них обещания не открывать огонь по гражданским лицам демонстранты, в свою очередь, сложили оружие.

72. Около 18.30, в то время когда заявитель с другими участниками находились в одном из кабинетов здания, они услышали выстрелы. Заявитель подошел к окну, чтобы посмотреть, что происходит. В его направлении была выпущена пуля, которая задела оконную раму. Последовали еще несколько выстрелов, и группа, находившаяся в кабинете, была вынуждена покинуть его ползком.

73. К вечеру заявитель и другие участники были вынуждены погасить свет и закрыть занавески, чтобы избежать обстрела. Бойцы спецподразделений, вошедшие в здание, приказали заявителю и другим присутствующим лицам эвакуироваться с шестого этажа на нижние этажи. Спустившись на первый этаж и найдя продукты питания, заявитель взял их и снова направился на верхние этажи, чтобы отнести их солдатам. На пятом этаже те же солдаты, которые несколькими минутами раньше приказали ему спуститься, потребовали, чтобы он остановился, угрожая оружием. Заявитель объяснил причину, по которой он к ним поднялся, и один из них подошел к заявителю, чтобы взять принесенные продукты.

74. Заявитель вышел из штаб-квартиры центрального комитета и вернулся к себе, в то время как отовсюду летели пули. Там он провел ночь и слышал, что стрельба продолжалась до самого рассвета.

75. 23 декабря заявитель принял решение отправиться на национальное телевидение, поскольку сотрудники последнего призывали население явиться на их защиту. В определенный момент автомобиль, в котором ехал заявитель, был обстрелян, хотя на улице никого не было, кроме него, за исключением машин «скорой помощи», которые двигались по направлению к месту нахождения телевидения. Заявитель вышел из машины, спрятался под припаркованный автобус и находился там около часа.

76. 24 декабря заявитель отправился к Министерству обороны, перед которым находились сожженные машины и сгоревшие или изуродованные тела нескольких человек. Здание было окружено бронетехникой. В определенный момент несколько офицеров и солдат предложили заяви-

телю сопровождать их в квартиру соседнего дома, утверждая, что они видели, как кто-то оттуда стреляет. Прибыв на место, солдаты произвели два выстрела, после которых они договорились, что заявитель войдет первым в сопровождении солдата с заряженным оружием. Проверив квартиру, они установили, что там никого нет.

77. Впоследствии заявитель принимал участие в демонстрациях первых месяцев 1990 г., одним из основных требований которых было сообщение имен ответственных за многочисленные жертвы декабря 1989 г.

Он был задержан, как и другие демонстранты, силами правопорядка во время операций «очистки» университетской площади, которые проходили в ночь с 13 на 14 июня 1990 г., и заключен под стражу начиная с 18 июня 1990 г. по обвинению в несанкционированном проникновении в помещение государственного телевидения и нарушении общественного порядка. Он был помещен в тюрьму Бухарест-Жилава¹, затем в тюремную больницу Бухарест-Жилава до 30 октября 1990 г. Затем выдвинутые против него обвинения были окончательно сняты постановлением Верховного суда от 24 февраля 1992 г.

78. В своих показаниях от 20 сентября 2008 г. по делу № 97/Р/1990 заявитель утверждал, что он участвовал в этих событиях, уточняя, что начиная с 26 декабря 1989 г. он и другие участники антикоммунистических демонстраций примкнули к движению протеста против новых политических и военных структур, пришедших к власти, по его словам, с помощью «кровавой контрреволюции», которая повлекла смерть, ранения и незаконное задержание тысяч людей. В этом отношении ассоциация-заявитель подала заявление о возбуждении уголовного дела о злоупотреблениях, совершенных репрессивными силами в период с 26 декабря 1989 г. по 15 июня 1990 г. Это стало предметом расследования в деле № 75/Р/1998.

79. В письме от 28 января 2011 г. государственный секретариат по делам революционеров декабря 1989 г. (*Secretariatul de Stat pentru Problemele Revoluționarilor din Decembrie 1989 z.*) уточнил, что как из документов, так и из показаний многочисленных лиц следует, что заявитель участвовал в «противостоянии силам правопорядка», которое привело к падению тоталитарного режима. В том же письме указывается, что «Мэриеш не имеет удостоверения революционера, поскольку по личным причинам и по убеждениям он, как и многие дру-

гие участники революции, отказался требовать его выдачи». Однако даже в отсутствие такого удостоверения его статус революционера не может оспариваться ввиду его прямого участия и того факта, что он подвергался вооруженному насилию (*Cu toate acestea, apreciem că nimeni nu poate nega calitatea de revoluționar dobândită pe calea directă a participării la evenimentele din decembrie 1989 z. [...]*). Кроме того, статус революционера может быть доказан в судах и признан ими без всякой административной процедуры получения удостоверения.

D. ДРУГИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С РАССЛЕДОВАНИЕМ

1. Законопроект об амнистии за действия, совершенные военнослужащими

80. 31 июля 2008 г. ассоциация-заявитель обвинила Высший совет магистратуры в том, что она рассматривала как попытку повлиять на прокуроров, ответственных за расследование событий, произошедших с декабря 1989 г. по июнь 1990 г. В своей записке ассоциация отметила, что по инициативе неправительственной организации, Ассоциации военных запаса и в отставке, 18 июля 2008 г. Министерство обороны при посредничестве своего правового департамента передало в секцию военной прокуратуры законопроект об амнистии за действия, совершенные военными в декабре 1989 г. Ассоциация-заявитель также заявила, что глава секции военной прокуратуры разослал проект всем прокурорам, запросив их мнения о целесообразности такого закона и о его содержании. Ассоциация считала, что это была попытка повлиять на прокуроров и замедлить расследования, касающиеся спорных фактов; она жаловалась на то, что законопроект, призванный ускорить эти расследования и сделать их более эффективными, поданный ранее несколькими неправительственными организациями, в том числе ассоциацией-заявителем, не был передан прокурорам, как это произошло с проектом закона об амнистии.

В своем пресс-релизе от 8 сентября 2008 г. Министерство обороны сообщило, что получило проект закона об амнистии от Комитета по обороне Палаты депутатов и указало, что не выражало никакого мнения в его отношении.

2. Доступ заявителей к уголовному делу

81. Заявитель Теодор Мэриеш два раза начинал голодовки, которые в общей сложности продолжались 152 дня, а именно с 4 августа по 16 ноября 2009 г. и с 14 января по 30 марта 2010 г., требуя предоставить заявителям эффективный доступ к

¹ Очевидно, имеется в виду Жилавский форт, длительное время использовавшийся в качестве политической тюрьмы. В настоящее время именуется Бухарестской тюрьмой, с чем, по видимому, и связано объединение этих двух названий Европейским Судом (*прим. переводчика*).

уголовному делу, включая возможность получения его копий.

82. Письмом от 30 октября 2009 г. власти Румынии уведомили Европейский Суд, что в период с 12 по 20 октября 2009 г. копии всех документов дела, так же как и аудио- и видеозаписи, относящиеся к делу № 97/P/1990, за исключением секретных, были переданы ассоциации-заявителю. В том же письме власти Румынии указали, что документы, относящиеся к секретным, будут передаваться заявителям после их рассекречивания.

83. На основании решений Правительства № 94 и 184 от 10 февраля и 9 марта 2010 г. о рассекречивании (*pentru declassificarea*) определенной информации, являющейся «государственной тайной» и находящейся в Министерстве обороны, другие документы были переданы в распоряжение заявителей.

84. В соответствии с письмом, которое Мэриеш и ассоциация-заявитель 7 апреля 2010 г. направили в Европейский Суд, им не были представлены отдельные документы, как, например, копии страниц 105 и 106 тома № 12, содержавшего доклад должностных лиц Министерства внутренних дел. Впоследствии они получили копии недостающих документов. Согласно копиям, предоставленным заявителями и не оспариваемым властями Румынии, эти страницы доклада указывают, что в месте нахождения государственного телевидения «раздача оружия была произведена по призыву» президента Румынии, возглавлявшего страну с 1990 по 1996 год и с 2000 по 2004 год.

85. Согласно письму заявителя от 22 октября 2010 г. на сегодняшний день почти все документы дела, за исключением решений Совета министров, были переданы в его распоряжение.

Е. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ СО СКРЫТЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ

86. Ассоциация-заявитель и индивидуальные заявители жаловались на то, что подвергались угрозам и давлению со стороны неустановленных лиц с целью заставить их отказаться от жалоб в Европейский Суд.

87. Кроме того, ассоциация-заявитель и ее председатель, второй заявитель, считают себя объектом тайных мер наблюдения, а именно прослушивания телефонов. Последний предоставил две информационные карточки от 28 июня и 6 декабря 1990 г. в его отношении, а также сводный доклад румынской разведывательной службы (далее – SRI)¹, датированный 24 ноября 1990 г.

88. В секретном докладе от 28 июня 1990 г. оперативной службы полицейской инспекции Бухареста, подписанном руководителем службы майором М., предоставленном Мэриешем, подлинность которого не оспаривалась властями Румынии, приводится подробное описание условий жизни, в основном, заявителя и его подруги. В докладе имеются сведения об их совместной жизни, их родителях, их профессиональной деятельности, о времяпрепровождении дома и встречах с друзьями, об их намерении купить машину, об отношениях заявителя с соседями, а также излагаются его политические высказывания и содержание интервью, которое он давал на радио. Что касается участия заявителя в демонстрациях декабря 1989 г., в упомянутом докладе констатируется его «активное участие» на протяжении четырех дней подряд и его присутствие в здании, являющемся штаб-квартирой центрального комитета румынской коммунистической партии.

89. Другой документ от 24 ноября 1990 г., составленный SRI, удостоверенная копия которого была выдана 13 ноября 2006 г., касается деятельности нескольких лиц, в том числе заявителя, в период с апреля по июнь 1990 г., а именно их участия в антиправительственных демонстрациях этого периода. В этом документе указано, кроме прочего, что заявитель Мэриеш находился среди лиц, которым «американское посольство предлагало убежище для отдыха».

90. Газета «Эвениментул зилей» (*Evenimentul zilei*) от 6 июня 2002 г. опубликовала статью, озаглавленную «13 человек под контролем SRI», которая сопровождалась копией документа, предположительно исходившего из SRI. Этот документ содержал список 13 лиц, за которыми было установлено наблюдение; в их числе было имя подруги заявителя, владеющей телефоном, которым пользовался последний.

91. Письмом от 14 апреля 2008 г. ассоциация просила SRI сообщить ей реквизиты распоряжений о прослушивании трех мобильных телефонов и двух стационарных телефонов ассоциации.

92. 16 февраля 2009 г. заявитель Мэриеш повторно подал запрос в SRI, чтобы узнать, имелось ли между декабрем 1989 г. и днем подачи запроса разрешение на слежку в его отношении и прослушивание его телефонных переговоров.

93. В письме от 19 февраля 2009 г. SRI ответила ему, что на основании законов № 51/1991 о национальной безопасности и 14/1992, регулирующего деятельность SRI, не представлялось возможным подтвердить или опровергнуть сведения, указанные в запросе (*necesitatea respectării prevederilor imperative ale legislației în vigoare*

¹ Имеется в виду Румынская служба информации, выполняющая скорее функции контрразведки (*прим. переводчика*).

determină imposibilitatea confirmării ori înfirmării cererii dumneavoastră). В письмах от 9, 10 и 17 марта 2009 г. три других учреждения, действующих в сфере национальной безопасности, а именно Служба внешней информации (далее – SIE), Служба защиты и охраны – *Serviciul de Protecție și Pază* (далее – SPP)¹ и главное управление информации и внутренней защиты Министерства внутренних дел, ответили заявителю, что он не был объектом деятельности учреждения, что касается SPP, или что отсутствуют данные на эту тему, что касается SIE и главного управления информации и внутренней защиты Министерства внутренних дел.

94. В письме секции военной прокуратуры от 23 февраля 2009 г. указывается, что в деле № 97/P/1990 прокуратура не давала указаний и не обращалась по поводу прослушивания телефонных переговоров заявителей и что никакого ордера на прослушивание не выдавалось.

II. ПРИМЕНИМОЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА

A. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ОТНОСИТЕЛЬНО УГОЛОВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

1. Решение Конституционного суда № 610/2007

95. Решение Конституционного суда № 610/2007 от 16 июля 2007 г. касается неконституционности переходного положения Закона № 356/2006 об изменении Уголовно-процессуального кодекса и закона о судебной системе. Согласно этому закону рассмотрение дел о преступлениях, совершенных совместно гражданскими лицами и военнослужащими, передавалось гражданским прокурорам и судам общей юрисдикции, а не военным прокурорам и судам, как в предыдущий период этой реформы законодательства. Однако новый закон предусматривал, что по делам, расследуемым на дату вступления в силу закона, военные прокуроры и суды сохраняют юрисдикцию в отношении дел с участием обвиняемых из числа гражданских лиц и военнослужащих. Решением № 610/2007 Конституционный суд признал переходное положение несоответствующим Конституции.

2. Проект амнистии в отношении действий, вменяемых военнослужащим вооруженных сил, которые были совершены во время событий декабря 1989 г.

96. Проект закона, переданный 18 июля 2008 г. для консультаций правовым департаментом

Министерства обороны в секцию военной прокуратуры при Высшем кассационном суде, содержит две статьи, которые предусматривают:

«Статья 1

Амнистируются и освобождаются от уголовной ответственности за действия, предположительно совершенные в период революции декабря 1989 г., действия, основанные на конституционных положениях и присяге и военных уставах, действовавших в тот период, независимо от наказания, предусмотренного законом или применяемого судами.

Статья 2

«Пользуются амнистией и ее последствиями кадровые и мобилизованные военнослужащие, которые преданы суду и осуждены или в отношении которых возбуждены уголовные дела в связи с участием в событиях декабря 1989 г.»

3. Решения Правительства № 94 от 10 февраля 2010 г. и № 184 от 9 марта 2010 г.

97. Решения Правительства № 94 от 10 февраля 2010 г. и № 184 от 9 марта 2010 г. о рассекречивании определенных секретных документов Министерства обороны были опубликованы в «Официальной газете» № 104 от 16 февраля 2010 г. и № 159 от 12 марта 2010 г. Они касались права на рассекречивание документов с грифами «совершенно секретно» и «секретно», перечисленных в приложениях к этому решению, и содержали указание на то, что их раскрытие не может причинить вред национальной безопасности, общественному порядку или интересам народа. К числу этих документов относились доклады и распорядки ряда войсковых частей относительно задач, решавшихся во время событий декабря 1989 г. и позднее, содержавшие сведения, в частности, о полученных приказах, привлекаемых силах, имеющемся вооружении и предпринятых действиях. Представляется, что большинство войсковых частей выполняли боевые задачи с 17 декабря 1989 г. до начала января 1990 г. Они также свидетельствуют о том, что до бегства четы Чаушеску войсковые части были частично приведены в состояние боевой готовности, тогда как доклад 22 декабря 1989 г. показывает, что после этого события совет Фронта национального спасения приказал всем штабам и патриотической гвардии находиться в боевой готовности и участвовать всеми силами и средствами в реализации и защите достижений революции.

4. Положения румынского уголовного права о соучастии в широком смысле и специальном сроке давности

98. Положения о соучастии в широком смысле (*participația improprie*) содержатся в статье 31

¹ Обеспечивает безопасность высокопоставленных госслужащих (*прим. переводчика*).

Уголовного кодекса, которая в соответствующей части предусматривает:

«Любое подстрекательство, умышленное содействие или пособничество любыми средствами в совершении преступления лицом, которое не признано виновным, наказывается в соответствии с законом за это преступление».

99. Статья 124 действующего Уголовного кодекса предусматривает специальную форму срока давности, которая применяется независимо от количества перерывов при условии, что общий срок давности, установленный статьей 122, превышен наполовину. Срок давности не применяется только к преступлениям против мира и человечности, предусмотренным главой XI Уголовного кодекса.

100. Новый, еще не вступивший в силу, Уголовный кодекс, опубликованный в «Официальной газете» № 510 от 24 июля 2009 г., содержит аналогичные положения относительно специального срока в статье 155. В отличие от действующего законодательства срок давности не применяется к преступлениям, предусмотренным главой XII Кодекса – геноциду, преступлениям против человечности и военным преступлениям в соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда.

5. Решения судов о взыскании компенсации за неэффективность расследования

101. Власти Румынии представили два решения №№ 4238 и 4505 от 12 и 19 июня 2008 г., вынесенные судом пятого округа Бухареста об обязанности государства в лице Министерства финансов выплатить истцам, родственникам погибших во время демонстраций против тоталитаризма в декабре 1989 г. в Бухаресте, компенсацию материального ущерба и морального вреда, причиненных вследствие чрезмерной длительности и неэффективности расследования этих событий.

102. Сославшись на Конституцию и прецедентную практику Европейского Суда по правам человека относительно обязанности национальных властей проводить эффективное расследование и уголовное разбирательство в разумный срок, суд установил, что расследование, которое началось в 1990 году и по истечении 18 лет все еще продолжалось в прокуратуре, не отвечало требованиям Конвенции. Таким образом, полагая, что бездействие властей причинило материальный ущерб и моральный вред в значении статей 998 и 999 Гражданского кодекса, что порожило гражданскую ответственность, суд обязал Министерство финансов выплатить истцам 100 000 и 50 000 новых лей, соответственно.

103. По жалобе Министерства финансов на решение от 12 июня 2008 г. Бухарестский окружной суд окончательным решением от 27 января 2009 г. уменьшил сумму компенсации до 50 000 новых лей. Власти Румынии не указали, вступило ли в силу решение от 19 июня 2008 г. Данные официального интернет-портала румынских судов свидетельствуют о том, что 21 января 2009 г. Бухарестский окружной суд удовлетворил жалобу на решение от 19 июня 2008 г. и отклонил требования заявителя. Согласно тому же источнику отклонение требований заявителя было оставлено в силе Бухарестским апелляционным судом 20 января 2010 г.

В. ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИЗНАНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫМ АКТОМ СТАТУСА РЕВОЛЮЦИОНЕРА И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОСОБЫХ ПРАВ

104. Закон № 42/1990 от 18 декабря 1990 г. о чествовании жертв и героев, наделяющий определенными правами их наследников, раненых и борцов за победу революции декабря 1989 г., повторно опубликованный в «Официальной газете» № 198 от 23 августа 1996 г. после внесения изменений, установил административную процедуру признания статуса борцов за революцию или посмертного признания мучениками лиц, участие которых в революции или утрата родственников доказаны, и предусмотрел для них определенные права и компенсации.

105. Закон № 314/2004 от 12 июля 2004 г. о признательности героическим мученикам, способствовавшим победе румынской революции декабря 1989 г., опубликованный в «Официальной газете» № 654 от 20 июля 2004 г., в который были внесены последние изменения срочным ординасом правительства (*Ordonanța de Urgență*) № 6/2008 от 15 февраля 2008 г., содержит новые административные наименования лиц, участвовавших в революции. Закон различает несколько категорий такого участия, предусмотрев в статье 3 категории «раненого борца» (*Luptător Rănit*), «заключенного борца» (*Luptător Reținut*), «борца, отличившегося особыми заслугами» (*Luptător Remarcat main Fapte Deosebite*) или «участвовавшего в победе революции».

106. Согласно статье 5 закона новые звания должны подтверждаться новыми удостоверениями революционеров, выдаваемыми в соответствии с законом по заявлениям, поданным в государственный секретариат по делам революционеров.

107. Тем же законом создана парламентская комиссия по наблюдению за его исполнением.

С. ПОЛОЖЕНИЯ О МЕРАХ НАБЛЮДЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

108. Применимое национальное законодательство изложено в Постановлении Большой Палаты по делу «Ротару против Румынии» (*Rotaru v. Romania*), жалоба № 28341/95, § 31, *CEDH* 2000-V, и Постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2007 г. по делу «Думитру Попеску против Румынии» (*Dumitru Popescu v. Romania*) (№ 2), жалоба № 71525/01, §§ 40–46.

109. Временная резолюция (Резолюция ДН (2005) 57) относительно Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 мая 2000 г. по делу «Ротару против Румынии», принятая Комитетом министров 5 июля 2005 г. на 933-м заседании заместителей министров, предложила властям Румынии незамедлительно предпринять изменения законодательства в ответ на критику, содержащуюся в постановлении Европейского Суда, относительно румынской системы сбора и хранения информации спецслужбами. В ее соответствующей части указывалось:

«Комитет министров в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод с изменениями, внесенными Протоколом № 11 (далее – Конвенция),

Рассмотрев вступившее в силу Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 мая 2000 г. по делу Ротару и переданное в тот же день в Комитет министров в соответствии со статьей 46 Конвенции; (...)

Учитывая, что Европейский Суд указал в соответствии со статьей 8 Конвенции, что национальное законодательство не предусматривает с достаточной точностью пределы при сборе, закреплении и хранении информации, затрагивающей национальную безопасность (§ 57 Постановления), и отсутствует процедура контроля действий спецслужб для обеспечения уважения ценностей демократического общества, которая должна осуществляться судебными органами (§ 59 Постановления);

Учитывая также, что Европейский Суд установил в соответствии со статьей 13 Конвенции, что отсутствовало положение румынского законодательства, позволяющего заявителю обжаловать хранение спецслужбами информации о его личной жизни или правильность этой информации (§ 72 Постановления); (...)

С сожалением отмечая при этом, что более чем через пять лет после принятия Постановления Европейский Суд не усматривает устранения ряда недостатков, указанных Европейским Судом, особенно что касается порядка доступа к архивам SRI или бывших спецслужб (помимо «Секуритате»), отсутствия правил, регулирующих срок хранения информации властями и невозможности оспаривания хранения такой информации и, за исключе-

нием предусмотренного законом № 187/1999, ее правильности;

ПРИЗЫВАЕТ власти Румынии незамедлительно принять необходимые изменения законодательства для реагирования на критику Европейского Суда, содержащуюся в постановлении относительно румынской системы сбора и хранения информации специальных служб...».

110. Соответствующие извлечения из Резолюции Res (2004) относительно постановлений, затрагивающих системную проблему, принятой 12 мая 2004 г. Комитетом министров, и Рекомендации Res (2004) 6 Комитета министров об улучшении внутренних средств правовой защиты, принятой 12 мая 2004 г., и приложения к ней изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Мария Атанасиу и другие против Румынии» (*Maria Atanasiu and Others v. Romania*) от 12 октября 2010 г., жалобы №№ 30767/05 и 33800/06, §§ 81–83.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ, НА КОТОРОЕ ССЫЛАЛИСЬ ВЛАСЕ

111. Заявители – семья Власе – утверждали, что их сын Никушор Власе был убит в конце декабря 1989 г. при использовании летальной силы государственными представителями. Они ставили властям в вину уклонение от проведения эффективного расследования, беспристрастного и тщательного, способного установить и наказать виновных. В этом отношении они указывали, что уголовное расследование предполагаемого нарушения права на жизнь еще продолжается, и отметили недостаточную старательность румынских властей. Они также критиковали проект закона об амнистии за действия военнослужащих вооруженных сил, совершенных в период событий декабря 1989 г., направленный 18 июля 2008 г. на рассмотрение в секцию военной прокуратуры при Высшем кассационном суде правовым департаментом Министерства обороны. Они ссылались на статью 2 Конвенции, которая предусматривает:

«Статья 2

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом».

112. Власти Румынии оспорили этот довод.

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

113. Власти Румынии выдвинули два предварительных возражения в этом отношении. Во-первых,

они отрицали юрисдикцию Европейского Суда *ratione temporis*¹ для рассмотрения жалобы с точки зрения статьи 2 Конвенции и, во-вторых, ссылались на неисчерпание внутренних средств правовой защиты.

1. Что касается возражения *ratione temporis*

114. Со ссылкой на выводы, сделанные Европейским Судом в деле «Блещич против Хорватии» (Blečić v. Croatia) (Постановление Большой Палаты, жалоба № 59532/00, §§ 63–69, CEDH 2006-III), власти Румынии утверждали, что действия, предположительно нарушившие право, гарантированное Конвенцией, и связанные с ними процедуры неразделимы и не могут рассматриваться отдельно. События и начало расследования имели место до даты ратификации Румынией Конвенции 20 июня 1994 г., и власти Румынии полагали, что Европейский Суд не имеет юрисдикции *ratione temporis* для рассмотрения жалобы с точки зрения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции.

115. В ответ заявителя ссылались на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии», в котором Европейский Суд признал, что имеет юрисдикцию *ratione temporis* для рассмотрения жалобы на неэффективность уголовного расследования вооруженного подавления демонстраций, имевших место в Тимишоаре в декабре 1989 г.

116. Европейский Суд напоминает принципы, изложенные в его Постановлении от 9 апреля 2009 г. по делу «Шилих против Словении» (Šilih v. Slovenia), жалоба № 71463/01, §§ 159–163, согласно которым содержащееся в статье 2 Конвенции процессуальное требование о проведении эффективного расследования является отдельным и независимым обязательством. Хотя вопрос о нем возникает в связи с действиями, предусмотренными материально-правовым аспектом статьи 2 Конвенции, оно может повлечь вывод о наличии «вмешательства» отдельно и независимо в значении упоминавшегося выше Постановления по делу Блещич (§ 88). В этом смысле оно может рассматриваться как отделяемое обязательство, вытекающее из статьи 2 Конвенции, способное создавать обязанности для государства, даже если гибель имела место до даты вступления в силу Конвенции для данного государства (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Шилих против Словении», § 159, Постановление Европейского Суда по делу «Агаке и другие про-

тив Румынии» (Agache and Others v. Romania) от 20 октября 2009 г., жалоба № 2712/02, § 69). Следовательно, чтобы процессуальные обязательства, предусмотренные статьей 2 Конвенции, были применимы, должно быть установлено, что значительная часть процессуальных действий была или должна была быть совершена после ратификации Конвенции данным государством (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Шилих против Словении», § 163).

117. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что уголовное разбирательство по поводу гибели Никушора Власе, начатое в 1990 году, продолжалось после 20 июня 1994 г., даты ратификации Конвенции Румынией. На эту дату оно находилось в прокуратуре. Отсюда следует, что значительная часть следственных действий должна была совершаться после ратификации Конвенции.

118. Таким образом, Европейский Суд находит, что имеет компетенцию *ratione temporis* для рассмотрения жалобы на нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Агаке и другие против Румынии», §§ 70–73, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии», § 59). Он ограничится рассмотрением вопроса о том, содержат ли события, имевшие место после вступления Конвенции в силу в отношении Румынии, признаки нарушения этого положения.

2. Что касается возражения о неисчерпании внутренних средств правовой защиты

119. Власть Румынии утверждали, что заявители не использовали внутренние средства правовой защиты, доступные им для обжалования длительности разбирательства. Они не были лишены права непосредственно ссылаться на гражданско-правовую ответственность в связи с задержкой расследования на основании статей 998 и 999 Гражданского кодекса о причинении вреда. По вопросу эффективности этого средства правовой защиты власти Румынии указали на два решения №№ 4238 и 4505 от 12 и 19 июня 2008 г., вынесенные судом пятого округа Бухареста, которые обязали Министерство финансов выплатить истцам компенсацию за уклонение от расследования подавления антитоталитарных демонстраций в Бухаресте. Наконец, власти Румынии признали отсутствие других примеров решений такого типа, но полагали, что это объясняется отсутствием иных обращений по данному предмету.

120. По мнению заявителей, два примера, приведенных властями Румынии, не позволяют счи-

¹ *Ratione temporis* (лат.) – «ввиду обстоятельств, связанных с временем», критерий времени, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (*прим. переводчика*).

тать это средство правовой защиты эффективным, поскольку суд не обязал власти ускорить данное уголовное разбирательство. Кроме того, заявители полагали, что речь может идти о двух делах, представленных властями Румынии *pro causa*¹, для разбирательства в Европейском Суде.

121. Европейский Суд напоминает, что требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, предусмотренное статьей 35 Конвенции, касается внутренних средств правовой защиты, доступных заявителям для устранения обжалуемой ими ситуации. Они должны быть достаточно определенными не только в теории, но и на практике, в противном случае они не будут обладать требуемой доступностью и эффективностью; и государство-ответчик должно продемонстрировать, что эти условия достигнуты (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 75, *CEDH* 1999-V).

122. Европейский Суд принимает к сведению, что власти Румынии представили два решения суда первой инстанции, обязавших государство выплатить истцам, родственникам погибших на демонстрациях против тоталитаризма в Бухаресте, компенсацию ущерба, понесенного вследствие чрезмерной длительности расследования, которые вынесены после даты обращения заявителей в Европейский Суд. Материалы, представленные государством-ответчиком, свидетельствуют, что только одно из этих решений было частично поддержано вышестоящими судами.

В этом отношении Европейский Суд находит, что единственное вступившее в силу решение не является достаточным, чтобы продемонстрировать с разумной определенностью наличие эффективных средств правовой защиты и их доступность для таких жалоб, как в деле заявителей (Постановление Европейского Суда от 24 апреля 1998 г. по делу «Сельчук и Аскер против Турции» (*Selçuk and Asker v. Turkey*), § 68, *Recueil des arrêts et décisions* 1998-II).

123. Кроме того, Европейский Суд учитывает, что заявители предъявили иск о привлечении к ответственности учреждений, которых они считали виновными в гибели их сына и воспрепятствовании расследованию. В принятии этого иска было отказано решением от 31 января 2005 г., подтвержденным 5 мая 2005 г., в связи с неуплатой пошлины в полном объеме, причем суд не учел их объяснение об отсутствии достаточных средств.

Жалоба заявителей на это решение была приостановлена по их требованию, и 14 февраля 2008 г. Высший кассационный суд решил, что она подана за пределами срока.

124. Что касается первого препятствия, связанного с неуплатой пошлины, Европейский Суд уже рассматривал его, как, например, в деле «Вейсман и другие против Румынии» (*Weissman and Others v. Romania*) (жалоба № 63945/00, § 41, *CEDH* 2006-VII (извлечения)), в котором он заключил, что имело место ограничение доступа к суду, противоречащее статье 6 Конвенции. С другой стороны, он отмечает, что жалоба не могла повлечь ускорение расследования.

125. Наконец, Европейский Суд напоминает, что обязательство государства с точки зрения статьи 2 Конвенции не сводится только к уплате компенсации ущерба и процентов в рамках гражданского разбирательства, возбужденного по инициативе заявителя, а не властей (см., например, Постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Яша против Турции» (*Yaşa v. Turkey*), § 74, *Recueil des arrêts et décisions* 1998-VI, и Постановление Европейского Суда от 9 декабря 2008 г. по делу «Дзечиак против Польши» (*Dzieciak v. Poland*, жалоба № 77766/01, § 80). Расследование, требуемое статьей 2 Конвенции, должно быть способным повлечь установление виновных. Европейский Суд рассмотрит этот вопрос ниже с точки зрения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции (Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*), жалоба № 28883/95, § 121, *CEDH* 2001-III).

126. Отсюда следует, что возражения государства-ответчика подлежат отклонению. Европейский Суд также отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

127. Заявители подчеркивали, что по истечении 20 лет после убийства их сына уголовное расследование по этому поводу не повлекло установление виновных и привлечение их к суду. Они критиковали чрезмерную длительность, значительные периоды бездействия, охватывавшие

¹ По-видимому, заявители намекали на то, что соответствующие решения вынесены после подачи ими жалоб в Европейский Суд (*прим. переводчика*).

почти 12 лет, недостатки расследования и отсутствие беспристрастности, тот факт, что некоторые обвиняемые, занимавшие высокие посты, препятствовали расследованию до 2004 года, а некоторые прокуроры и старшие работники прокуратуры при Высшем кассационном суде сами являлись представителями вооруженных сил, причастных к подавлению антиправительственных протестов в декабре 1989 г. Они указали, что в настоящее время расследование вновь затягивается и что специальный срок давности для уголовной ответственности за убийство при отягчающих вину обстоятельствах истекает в 2012 году, поскольку лишь на преступления против человечности срок давности не распространяется. Как они утверждали, квалификация фактов настоящего дела не связана с преступлениями против человечности.

128. Власти Румынии утверждали, что было проведено эффективное расследование исключительных обстоятельств настоящего дела, и подчеркивали, что принимались все меры для установления и наказания виновных, что соответствовало требованиям статьи 2 Конвенции, которая не обязывает органы власти получить определенный результат.

129. Что касается длительности разбирательства, они полагали, что жалоба на предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции может быть принята во внимание Европейским Судом только в отношении периода с 20 июня 1994 г., даты вступления Конвенции в силу в отношении Румынии.

130. Власти государства-ответчика полагали, что расследование в данном деле не являлось обычным, обстоятельства гибели сына заявителей относились к особому контексту, с учетом большой сложности дела и существенных социально-политических вопросов, связанных со значительным событием в истории Румынии. Они указывали, что расследование должно было установить не только обстоятельства смерти сына заявителей, но также смерти и травмирования множества лиц, причастных к происшествию.

131. Власти Румынии перечислили меры, принятые при расследовании правоохранительными органами, а именно получение доказательств, осмотр места, судебно-медицинские экспертизы, сбор свидетельских показаний. Они подчеркивали, что власти получили заявление С.Д., свидетеля, указанного заявителями, произвели эксгумацию и вскрытие тела сына заявителей для определения причины смерти и выяснения некоторых противоречий, возникших при расследовании.

132. Таким образом, власти государства-ответчика полагали, что не имели место недобросовестность или отсутствие старательности со стороны государственных органов, что касается

способа проведения уголовного расследования событий декабря 1989 г., с учетом того, что по остальным делам были вынесены судебные решения.

2. Мнение Европейского Суда

133. Европейский Суд рассмотрит вопрос об эффективности расследования насильственной гибели сына заявителей, Влаسه, с учетом принципов, выработанных в этой сфере и кратко изложенных в постановлениях: Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеч против Турции» (*Güleç v. Turkey*) от 27 июля 1998 г., §§ 77–78, *Recueil des arrêts et décisions* 1998-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Исаева и другие против Российской Федерации» (*Issayeva and Others v. Russia*) от 24 февраля 2005 г., жалобы №№ 57947/00, 57948/00 и 57949/00, §§ 208–213, и Постановление Европейского Суда по делу «Карабуля против Румынии» (*Carabulea v. Romania*) от 13 июля 2010 г. жалоба № 45661/99, §§ 127–131).

Процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции требует эффективного официального расследования в случае гибели лица в результате применения силы, особенно государственными представителями. Расследование предполагает безотлагательное, полное, беспристрастное и тщательное изучение обстоятельств совершения убийства с целью установления и наказания виновных. Это не обязательство результата, но обязательство принятия мер. Власти должны предпринять разумные шаги для обеспечения доказательств, касающихся происшествия. Требование гибкости и разумной быстроты расследования подразумевается в этом контексте. Также необходимо, чтобы лица, проводящие расследование, были независимы от причастных к происшествию, что исключает иерархическую или институциональную связь и требует практической независимости (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Исаева и другие против Российской Федерации», §§ 210–211).

134. Европейский Суд также напоминает, что даже при наличии препятствий или сложностей, которые мешают продвижению расследования в конкретной ситуации, безотлагательная реакция властей имеет принципиальное значение для поддержания общественного доверия их приверженности верховенству права. Любой недостаток в расследовании, умаляющий возможность установления обстоятельств дела или личности виновного, может не соответствовать стандарту эффективности (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», § 195).

135. По тем же причинам общество должно осуществлять достаточный контроль за следствием и его результатами, что должно представлять не только теоретическую, но и практическую возможность. Степень общественного контроля может изменяться в зависимости от ситуации. Однако во всех случаях родственники потерпевшего должны участвовать в разбирательстве в степени, необходимой для защиты их законных интересов (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства», § 115).

136. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что вскоре после событий декабря 1989 г. было начато расследование. Начатое в 1990 году уголовное разбирательство по поводу гибели Никушора Власе продолжается до сих пор в течение более чем 20 лет. Европейский Суд напоминает, что его компетенция *ratione temporis* не позволяет ему рассматривать период до 20 июня 1994 г., даты вступления Конвенции в силу в отношении Румынии.

137. Он, прежде всего, отмечает, что в 1994 году дело было передано военному прокурору Брашова. В этом отношении Европейский Суд учитывает, как и в деле «Шандру и другие против Румынии» (упоминавшемся выше, § 74), что расследование было поручено военным прокурорам, которые, как и большинство обвиняемых, включая высокопоставленных военных, по-прежнему исполнявших свои обязанности, были связаны принципом военной иерархии.

138. Далее он отмечает, что материалы дела, в частности, два письма Высшего совета магистратуры от 16 октября 2008 г. и 29 января 2009 г. (см. § 60 настоящего Постановления), свидетельствуют о том, что с 1994 по 2001 год и с 2002 по 2005 год – в общей сложности 12 лет – никакие следственные действия, направленные на установление виновных в гибели Николае Власе, не совершались. Европейский Суд полагает, что, хотя сразу после падения старого режима следствие могло сталкиваться с объективными сложностями, в дальнейшем бездействие властей в течение длительного периода не являлось оправданным (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Агаке и другие против Румынии», § 80).

139. Кроме того, недостатки расследования неоднократно признавались самими национальными органами. По этой причине 30 августа 1999 г. было отменено решение секции военной прокуратуры от 28 декабря 1994 г. (см. § 52 настоящего Постановления). Однако последующее расследование не устранило этих недостатков.

Секция военной прокуратуры при Высшем кассационном суде признала ряд случаев задержки

расследования в письме от 5 июня 2008 г., включая тот факт, что необходимое предварительное следствие не было начато немедленно после убийств и жестокого обращения, неоднократные передачи дела, несообщение потерпевшим о принятых решениях, а также «отсутствие координации» между органами, участвовавшими в подавлении демонстраций в декабре 1989 г. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что сознательное сокрытие доказательств также ставит под сомнение способность следствия установить факты (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства», § 137). Кроме того, отнесение к «совершенно секретной» и «секретной» информации, имеющей значение для следствия – включая донесения и журналы боевых действий ряда войсковых частей, принимавших участие в событиях декабря 1989 г., – может воспрепятствовать работе органов, осуществляющих расследование. Следствию не может быть отказано в доступе к этим архивам иначе как по причинам национальной безопасности, при исключительных обстоятельствах и под независимым судебным контролем. Однако в настоящем деле власти Румынии не ссылались на такие обстоятельства, которые могли препятствовать расследованию в течение столь длительного периода.

140. Что касается обязанности вступить в дело в качестве родственников потерпевшего (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеч против Турции», § 82 и 82, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Исаева и другие против Российской Федерации», § 213), Европейский Суд отмечает, что не было представлено объяснение полному отсутствию информации, которой заявители не получали до 9 июля 1999 г., несмотря на их неоднократные требования по этому поводу. В частности, ни решение о прекращении дела от 28 декабря 1994 г., ни его мотивы не были доведены до их сведения. Даже после этой даты им были сообщены только краткая информация 18 декабря 2003 г. и ответы Высшего совета магистратуры того же содержания от 16 октября 2008 г. и 29 января 2009 г.

141. Только 10 февраля и 9 марта 2010 г., почти через 20 лет после событий, значимая информация, ранее отнесенная к «совершенно секретной» и «секретной», была предоставлена по решениям правительства заявителям и другим потерпевшим. Однако, что касается более раннего периода, Европейский Суд не убежден, что интерес заявителей в участии в расследовании, а также публичный интерес в достаточном освещении расследования были адекватно защищены (Постановление Европейского Суда по делу «Хью Джордан против

Соединенного Королевства» (Hugh Jordan v. United Kingdom), жалоба № 24746/94, § 134, *CEDH* 2001-III (извлечения)).

142. Европейский Суд признает неоспоримую сложность дела, которое после решения об объединении производства от 9 января 2006 г. также имело целью установить виновных в совокупности вооруженных репрессий, имевших место в конце декабря 1989 г. во многих городах Румынии, за исключением Тимишоары, Клужа и Сибиу, являвшихся предметом отдельных расследований, причем первые два окончились осуждением виновных. Однако он считает, что социально-политический вопрос, затронутый властями Румынии, не оправдывает продолжительности расследования и его проведения в течение длительного срока в отсутствие информирования заинтересованных лиц и общества. Напротив, его значение для румынского общества, которое заключалось в праве многих жертв на информацию и предполагало право на эффективное судебное разбирательство и возможное право на компенсацию, должно было стимулировать национальные органы к безотлагательному рассмотрению дела без необязательных задержек, чтобы исключить признаки безнаказанности определенных действий (см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии», § 79).

143. В отличие от упоминавшегося выше дела «Шандру и другие против Румынии», в котором разбирательство впоследствии окончилось вступившим в силу судебным решением, Европейский Суд отмечает в настоящем деле, что даже после совершения ряда следственных действий в 2005–2008 годах в декабре 2010 г. дело еще оставалось в прокуратуре и даже не было передано в суд. Тем не менее процессуальное обязательство с точки зрения статьи 2 Конвенции не может считаться исполненным, если жертвы или их наследники не имели доступа к разбирательству в независимом суде, призванном устанавливать факты.

144. Европейский Суд уже подчеркивал значение права потерпевших и членов их семей на получение информации о событиях, связанных с широкомасштабным нарушением таких прав, как право на жизнь, которое предполагает право на эффективное уголовное расследование и возможное право на компенсацию. По этой причине дело о масштабном применении летальной силы против гражданских лиц во время антиправительственных протестов накануне перехода от тоталитарного к более демократическому режиму, как в данном случае, Европейский Суд не может считать эффективным, если оно окончилось освобождением от уголовной ответственности в связи с

истечением срока давности, тогда как сами власти проявляли пассивность. Кроме того, как уже указывал Европейский Суд, амнистия в целом несовместима с обязанностью государств расследовать и наказывать за пытку (Решение Европейского Суда по делу «Ульд Дах против Франции» (Ould Dah v. France) от 17 марта 2009 г., жалоба № 13113/03) и борьбой против безнаказанности международных преступлений. То же касается помилования (Постановление Европейского Суда по делу «Абдүлсамет Яман против Турции» (Abdülşamet Yaman v. Turkey) от 2 ноября 2004 г., жалоба № 32446/96, § 55).

145. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что национальные власти не действовали с необходимой тщательностью, требуемой в соответствии со статьей 2 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение этого положения в его процессуальном аспекте.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ, НА КОТОРОЕ ССЫЛАЛСЯ МЭРИЕШ

146. Заявитель Теодор Мэриеш жаловался на то, что компетентные органы не провели эффективное расследование жестокого обращения, которому он подвергся во время участия в антиправительственных протестах декабря 1989 г., подавленных вооруженными силами. Как и другие заявители, он отмечал, что уголовное расследование в этой связи еще продолжается, и критиковал отсутствие старательности со стороны румынских властей, включая проект амнистии в отношении действующих военнослужащих, совершенных в период событий декабря 1989 г. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Доводы государства-ответчика

147. Власти Румынии указывали на отсутствие статуса жертвы у заявителя. По существу они оспаривали применимость статьи 3 Конвенции к ситуации, обжалуемой заявителем, и утверждали, что он по своей инициативе участвовал в антиправительственных протестах 21 декабря 1989 г. и не был травмирован при этом.

Таким образом, власти Румынии полагали, что заявитель не подал национальным властям доказуемую жалобу на наличие обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Кроме того, власти Румынии

отмечали, что заявитель не получил административное удостоверение «революционера».

148. В качестве альтернативы власти Румынии подчеркивали, что заявитель выразил намерение вступить в дело № 97/P/1990 в качестве гражданского истца только 20 сентября 2008 г., и только с этой даты на государство могла быть возложена обязанность провести расследование его утверждений. Таким образом, власти Румынии отмечали, что расследование к моменту объяснений продолжалось только пять месяцев, что не является чрезмерным сроком с учетом общего контекста дела.

149. В дополнительных объяснениях власти Румынии указали, что хотя до 20 сентября 2008 г. заявитель несколько раз встречался с представителями военной прокуратуры, он не выражал намерения предъявить жалобу в качестве потерпевшего. Следовательно, можно предположить, что действия заявителя могут рассматриваться в качестве *actio popularis*¹.

2. Доводы заявителя

150. Заявитель полагал, что его статус жертвы вытекает из отсутствия эффективного расследования применения летальной силы в отношении группы демонстрантов, в которой он находился и среди которых многие были убиты. В этом отношении он отмечал, что он сам столкнулся с угрозой жизни и физической и моральной неприкосновенности, поскольку вооруженные силы произвели в его сторону ряд выстрелов при выполнении боевого задания. Многочисленные вооруженные силы использовали не только слезоточивый газ, но и оружие, и вооружение, бронетранспортеры и танки, с помощью которых атаковали толпу, в которой находился заявитель, сея панику. Кроме того, он претерпел глубокое чувство тоски, последствия которой в виде состояния депрессии или беспокойства, бессонницы и кошмаров он испытывает до настоящего времени.

Он подкрепил свои утверждения документами уголовного дела, включая свидетельские показания и полицейский доклад о его присутствии среди протестующих, по которым была открыта стрельба. Он также представил копии журнала боевых действий за 21 декабря 1989 г. включая расшифровку специальных телекоммуникаций от 21 декабря 1989 г., в которой предлагалось «ликвидировать демонстрантов», а также задержать и заключить под стражу оставшихся в живых.

Заявитель также отметил, что его отказ от получения удостоверения «революционера» объяснялся протестом против недостатков расследования.

151. Наконец, заявитель указывал, что задолго до его заявления, поданного в прокуратуру в 2008 году, он в качестве председателя ассоциации-заявителя подавал многочисленные жалобы в прокуратуру, часть которых послужила основанием для продолжения расследования после 2004 года.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Принципы, сформулированные в прецедентной практике

152. Европейский Суд напоминает, что процессуальное обязательство, вытекающее из статьи 3 Конвенции, возникает при наличии «доказуемой» жалобы на запрещенное обращение (Решение Европейского Суда от 6 сентября 2007 г. по делу «Кирица против Румынии» (*Chiriță v. Romania*), жалоба № 37147/02).

153. В этом отношении он напоминает, что для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка этого минимума зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 120, *CEDH* 2000-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Эрдоан Яыз против Турции» (*Erdoğan Yağız c. Turquie*), жалоба № 27473/02, § 35, *CEDH* 2007-III (извлечения)).

В любом случае утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 88, *CEDH* 1999-V, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, § 92, *CEDH* 2010-...).

154. Наконец, Европейский Суд напоминает, что угроза обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, должна быть достаточно реальной и непосредственной. Так, угроза лицу пыткой при определенных обстоятельствах может составить как минимум бесчеловечное обращение (Постановление Европейского Суда от 25 февраля 1982 г. по делу «Кемпбелл и Косанс против Соединенного Королевства» (*Campbell and Cosans v. United Kingdom*, § 26, Series A, № 48, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского

¹ В римском праве иск в интересах народа; Европейский Суд иногда использует выражение в значении требования в интересах неопределенного круга лиц (*прим. переводчика*).

Суда по делу «Гефген против Германии», § 108). То же относится к отсутствию защиты лица, подвергающегося угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (Постановление Европейского Суда по делу «Александру Мариус Раду против Румынии» (*Alexandru Marius Radu v. Romania*) от 21 июля 2009 г., жалоба № 34022/05, § 49, Постановление Европейского Суда по делу «Родиц и другие против Боснии и Герцеговины» (*Rodić et autres c. Bosnie-Herzégovine*) от 27 мая 2008 г., жалоба № 22893/05, § 73).

Кроме того, действия, которые физически не затрагивают заявителей, такие как разрушение их домов, даже в отсутствие намерения их наказать, также рассматривались как жестокое обращение (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сельчук и Аскер против Турции», §§ 78–79, а также Постановление Европейского Суда по делу «Бильгин против Турции» (*Bilgin v. Turkey*) от 16 ноября 2000 г., жалоба № 23819/94, § 103, Постановление Европейского Суда по делу «Дулаш против Турции» (*Dulaş v. Turkey*) от 30 января 2001 г., жалоба № 25801/94, § 55). Европейский Суд находил, что чувство глубокой тревоги в сочетании с безразличием со стороны властей достигло порога суровости, требуемого для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции (Постановление Европейского Суда по делу «Мубиланзила Майека и Каники Митунга против Бельгии» (*Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium*), жалоба № 13178/03, § 70, *CEDH* 2006-XI).

2. Применение этих принципов в настоящем деле

155. В настоящем деле Европейский Суд учитывает, что заявитель не ссылаясь на получение травм в период событий 21 декабря 1989 г. и последующие дни. Он утверждал, что подвергся серьезной угрозе жизни и физической, и моральной неприкосновенности и пережил глубокое чувство тоски, которое имело для него психологические последствия. В национальных органах заявитель жаловался в основном на угрозу жизни и здоровью от обстрела демонстрантов военнослужащими и на то, что он подвергся воздействию токсических веществ, использовавшихся военнослужащими, таких как слезоточивый газ и порох.

156. Европейский Суд усматривает из материалов дела, что 21 декабря 1989 г. значительный контингент вооруженных сил, оснащенный танками и другой бронетехникой, был размещен в Бухаресте, в центральном районе столицы, и военнослужащие открыли огонь по демонстрантам, среди которых находился заявитель. В течение нескольких часов жертвами

обстрела стали несколько десятков погибших и больше сотни раненых (см. §§ 13–14 настоящего Постановления).

В этом отношении Европейский Суд констатирует, что в упоминавшемся выше деле «Шандру и другие против Румынии» (§§ 51–54) он отмечал широкомасштабное использование летальной силы против гражданского населения, примененной в декабре 1989 г. государственными представителями в Тимишоаре в целях подавления анти-тоталитарных демонстраций.

157. С учетом этих обстоятельств Европейский Суд может допустить, что заявитель в то время мог испытывать глубокое чувство тоски в связи с избирательным насилием такой степени интенсивности, которая не позволяла ему быть уверенным в том, что он уцелеет.

158. Однако Европейский Суд учитывает, что заявитель не представил медицинскую справку о наличии у него психических последствий (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда от 9 ноября 2006 г. по делу «Мелинте против Румынии» (*Melinte v. Romania*), жалоба № 43247/02, §§ 33–36, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эрдоан Яыз против Турции», §§ 43–44). Наконец, Европейский Суд учитывает, что до 2004 года заявитель не сообщал властям о своем страдании сколько-нибудь подробно (см. §§ 32 и 78 настоящего Постановления).

159. При обстоятельствах настоящего дела, включая отсутствие доказательств физических и моральных последствий для личности заявителя, вытекающих из обжалуемых действий, в сочетании с тем фактом, что он подал жалобу национальным властям с большой задержкой, Европейский Суд полагает, что процессуальное обязательство в соответствии со статьей 3 Конвенции в этом отношении нарушено не было.

160. С учетом вышеизложенного он признает жалобу неприемлемой как явно необоснованную в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

161. Со ссылкой на статьи 8 и 34 Конвенции второй заявитель Теодор Мэриеш утверждал, что являлся объектом тайных мер наблюдения, а именно прослушивания телефонных разговоров. По его мнению, эти меры составляют средство воздействия властей в связи с его деятельностью президента ассоциации, борющейся за эффективное расследование большого числа жертв, убитых и раненых в декабре 1989 г.

162. Европейский Суд, прежде всего, напоминает, что жалоба характеризуется фактами, которые в ней содержатся (см. Постановление Европейского Суда от 16 февраля 2010 г. по делу «Эуджениа Лазэр против Румынии» (*Eugenia Lazăr v. Romania*), жалоба № 32146/05, § 60) и в силу принципа *jura novit curia*¹ он находит, что основной вопрос данной части жалобы затрагивает уважение личной жизни и корреспонденции заявителя. Таким образом, он рассмотрит жалобу с точки зрения статьи 8 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

163. Европейский Суд полагает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

164. Власти Румынии полагали, что заявитель не представил доказуемую жалобу на нарушение статьи 8 Конвенции, и отмечали, что он не указал на доказательства, подкрепляющие его утверждения относительно перехвата телефонных переговоров. Они нашли, что жалоба не содержит достаточных элементов, требуемых в соответствии с правилом 47 Регламента Суда, которые позволили бы Европейскому Суду проверить соблюдение условий приемлемости, изложенных в пункте 1 статьи 35 Конвенции, а именно исчерпания внутренних средств правовой защиты и соблюдения правила шестимесячного срока. В этом отноше-

¹ *Jura novit curia* (лат.) – судьи знают право. В данном случае, по видимому, имеет место краткое изложение часто встречающегося в практике рассуждения о том, что Европейский Суд вправе определять правовую квалификацию фактов дела и не связан оценками, которые были даны заявителем или властями государства-ответчика. Жалоба характеризуется фактами, изложенными в ней, а не только правовыми основаниями или доводами, которые на них опираются (*прим. переводчица*).

нии они ссылались на дело «Сысоева и другие против Латвии» (*Sysoyeva and Others v. Latvia*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 60654/00, § 125, *CEDH* 2007-II).

165. Кроме того, власти Румынии утверждали, что, как следует из письма от 23 февраля 2009 г. секции военной прокуратуры, по делу № 97/P/1990, до изменения Уголовно-процессуального кодекса прокуратура никогда не осуществляла перехват телефонных переговоров заявителя и не осуществляла его после этого законодательного изменения. По данному делу санкция на прослушивание не выдавалась.

166. Заявитель подчеркивал, что его жалоба относится к чувствительной сфере, в которой трудно доказать вмешательство. Он считает себя жертвой мер наблюдения с 1990 года и до настоящего времени, в том числе в качестве председателя ассоциации-заявителя, в связи с хранением спецслужбами информации о нем. Среди трех документов, которые он представил в этом отношении, имелся исходящий от SRI, копия которого была получена 13 ноября 2006 г., относительно деятельности ряда лиц, включая заявителя, с апреля по июнь 1990 г., особенно их участия в антиправительственных демонстрациях. В этом документе, в частности, указывалось, что заявитель Мэриеш находился среди тех, кому «американское посольство предложило убежище для отдыха».

Заявитель также указывал на противоречия в ответах различных органов по поводу мер наблюдения в его отношении. Он подчеркивал, что SRI не подтвердила и не опровергла, что он являлся объектом мер тайного наблюдения, в то время как другие учреждения это отрицали.

Наконец, заявитель ссылался на статьи, появившиеся в прессе, раскрывавшие незаконную практику спецслужб по тайному наблюдению, особенно прослушиванию. В этом смысле, он подчеркивает, что газета «Эвениментул зилей» 6 июня 2002 г. опубликовала статью под заголовком «13 человек под контролем SRI», иллюстрированную документом, якобы исходящим из SRI и содержащим список 13 подконтрольных лиц, среди которых упоминалось имя подруги заявителя с указанием номера телефона, использованного ею.

2. Мнение Европейского Суда

а) Принципы, разработанные в прецедентной практике

167. Европейский Суд, прежде всего, напоминает, что телефонные коммуникации относятся к понятиям «личной жизни» и «корреспонденции» в значении статьи 8 (см. Постановление Европейского Суда по делу «Думитру Попеску против Румынии» (*Dumitru Popescu v. Romania*) (№ 2)

от 26 апреля 2007 г., жалоба № 71525/01, § 61, и постановления, упомянутые в нем).

В этом отношении он указывал, что может составить вмешательство в эти права опасение секретного наблюдения, вытекающее из существования законодательства, которое предусматривает такие меры в отсутствие адекватных гарантий от произвольного вмешательства в личную жизнь и корреспонденцию лиц, способных подвергнуться его действию (Постановление Европейского Суда по делу «Иордаки и другие против Молдавии» (Iordachi and Others v. Moldova) от 10 февраля 2009 г., жалоба № 25198/02, § 34). Кроме того, Европейский Суд также признавал, что при определенных условиях лицо может утверждать, что является жертвой в связи с одним лишь существованием секретных мер или допускающего их законодательства, даже если не ссылается на то, что они в действительности к нему применялись. В противном случае, если бы государство вводило секретное наблюдение без ведома контролируемых лиц, что делало бы такое наблюдение неуязвимым, статья 8 Конвенции в значительной степени утратила бы свое значение. В такой ситуации было бы возможно, что лицо, которое подверглось обращению, противоречащему статье 8 Конвенции, и даже лишалось права, гарантированного этой статьей, не сознавало бы это и, следовательно, не могло бы использовать средства правовой защиты на национальном уровне или в конвенционных органах (Постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие против Германии» (Klass and Others v. Germany) от 6 сентября 1978 г., §§ 34–35, Series A, № 28).

168. Наконец, Европейский Суд напоминает, что хранение в секретном реестре и передача данных, относящихся к «личной жизни» лица, также относятся к сфере действия пункта 1 статьи 8 Конвенции. Данные публичного характера могут затрагивать личную жизнь, если они систематически собираются и хранятся публичными органами (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Ротару против Румынии», § 43).

b) Применение этих принципов в настоящем деле

169. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявитель, прежде всего, жаловался на опасение того, что он являлся объектом мер наблюдения, в частности, прослушивания телефонных переговоров, с 1990 года до настоящего времени. В этом отношении он ссылался на свои обращения к спецслужбам. Однако эти действия не дали результата, поскольку SRI в письме от 19 февраля 2009 г. ответила заявителю, что в соответствии

с Законом № 51/1991 о национальной безопасности и Законом № 14/1992 о деятельности SRI невозможно подтвердить или опровергнуть, подвергался ли он секретному наблюдению в данный период.

170. Заявитель представил две карточки, составленные в его отношении в 1990 году, содержащие персональные данные, а также третий сводный документ, копия которого была выдана 13 ноября 2006 г. Эти три документа были отнесены к «секретным» и хранились уполномоченными органами государства в сфере информации.

Европейский Суд отмечает, что содержание данных документов, достоверность которых власти Румынии не оспаривали, свидетельствует, что заявитель действительно явился объектом мер наблюдения в 1990 году. Кроме того, эти данные, относящиеся, с одной стороны, к участию в антиправительственных демонстрациях с апреля по июнь 1990 г. и его частным высказываниям в связи с этим, а с другой стороны, к его образу жизни и его личным отношениям, сохранялись спецслужбами, по крайней мере, до 2006 года, когда были получены копии документов.

171. В этом отношении Европейский Суд учитывает, что применимое румынское законодательство о мерах секретного наблюдения в интересах национальной безопасности впервые рассматривалось в упоминавшемся выше деле Ротару. Европейский Суд заключил, что законодательство о сборе и хранении данных не содержит необходимых гарантий, обеспечивающих право на уважение личной жизни. Оно не указывает с достаточной ясностью пределы и порядок использования дискреционных полномочий властей в данной сфере (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 61).

172. Кроме того, временная резолюция (Rés. DH(2005)57) по поводу этого постановления, принятая Комитетом министров 5 июля 2005 г. на 933-м заседании заместителей министров, призвала румынские власти незамедлительно предпринять изменения законодательства в ответ на критику, содержащуюся в постановлении Европейского Суда, относительно румынской системы сбора и хранения информации спецслужбами. Комитет министров с сожалением отметил, что более чем через пять лет после принятия постановления по-прежнему не усматривается устранение ряда недостатков, указанных Европейским Судом, особенно что касается отсутствия правил, регулирующих срок хранения информации властями и невозможности оспаривания хранения такой информации. До настоящего времени исполнение этого постановления в Комитете министров все еще продолжается.

173. Кроме того, Европейский Суд отметил в своем Постановлении по делу Думитру Попеску (№ 2), что, несмотря на изменения Уголовно-процессуального кодекса Законами № 281/2003 и 356/2006, в делах о предполагаемом покушении на национальную безопасность меры наблюдения по-прежнему могут быть введены в соответствии с порядком, предусмотренным статьей 13 Закона № 51/1991, который до сих пор не отменен (упоминавшееся выше по делу «Думитру Попеску против Румынии» (№ 2), §§ 83–84).

174. С учетом вышеизложенного Европейский Суд находит, что отсутствие в национальном законодательстве гарантий, обеспечивающих уничтожение информации, полученной за счет секретного наблюдения, по мере того, как в ней отпала необходимость для преследуемой цели (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие против Германии», § 52), допускало хранение информации, собранной спецслужбами относительно заявителя в 1990 году, до 2006 года, то есть в течение 16 лет после ее получения. К тому же, содержание одной из двух карточек не свидетельствует о наличии особой следственной цели помимо общего предварительного надзора (см. противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Класс и другие против Германии», § 51).

175. Кроме того, Европейский Суд полагает, что в отсутствие гарантий в действующем национальном законодательстве заявитель подвергается серьезной угрозе прослушивания телефонных переговоров (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Иордаки и другие против Молдавии», § 53, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Ротару против Румынии», §§ 59–63).

176. Таким образом, Европейский Суд полагает, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

177. Что касается жалобы в части права ассоциации-заявителя на уважение корреспонденции, Европейский Суд учитывает, что, хотя в первоначальной жалобе ассоциация-заявитель на это ссылалась, впоследствии она не представила объяснений в данном отношении. Европейский Суд заключает из сказанного выше, что она не намерена поддерживать эту часть жалобы в значении подпункта «а» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 13, 34 И 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 6 КОНВЕНЦИИ, НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЛИСЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАЯВИТЕЛИ

178. Три индивидуальных заявителя также ссылались на нарушение их права на судебное разбирательство в разумный срок, указывая на то, что уголовное расследование применения насилия в декабре 1989 г. продолжается до сих пор. В этой части они ссылались на статьи 6 и 13 Конвенции.

179. Заявители Елена и Николае Влаसे жаловались на то, что уголовное расследование по поводу гибели их сына Николае Н. Власе в декабре 1989 г. еще продолжается. Они также ссылались на статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции по причине дискриминации по сравнению с жертвами преступлений, совершенных при иных обстоятельствах, чем в декабре 1989 г.

180. Заявитель Теодор Мэриеш и ассоциация-заявитель жаловались на нарушение статьи 34 Конвенции ввиду значительных сложностей ознакомления с материалами уголовного расследования, критикованного в связи с неэффективностью, а также в целях подготовки объяснений в ответ на объяснения властей Румынии. Они критиковали власти за намерение скрыть существенные для оценки фактов документы, например, страницы 105 и 106 тома № 12, содержащие доклады сотрудников Министерства внутренних дел (см. § 84 настоящего Постановления).

181. С учетом выводов о нарушении процессуального аспекта статей 2 и 3 Конвенции (см. § 145 настоящего Постановления) Европейский Суд полагает, что в настоящем деле не является необходимым рассмотрение жалобы на нарушение этих положений (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шандру и другие против Румынии», § 83).

V. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ, НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЛАСЬ АССОЦИАЦИЯ-ЗАЯВИТЕЛЬ

182. Со ссылкой на статьи 2, 3, 6 и 13 Конвенции ассоциация-заявитель, как и индивидуальные заявители, жаловалась на длительность уголовного расследования применения насилия в декабре 1989 г. Она критиковала отсутствие старательности румынских властей и выражала опасение по поводу наличия стремления замаять дело, чтобы виновные в гибели и ранении сотен людей во время событий декабря 1989 г. не были привлечены к ответственности.

183. Европейский Суд напоминает, что понятие «жертвы», содержащееся в статье 34 Конвенции, подлежит автономному толкованию, независимому от национальных терминов, таких как заинтересованность в действии или способность к нему. Чтобы заявитель мог утверждать, что является жертвой нарушения прав и свобод, признаваемых

Конвенцией, должна существовать достаточно прямая связь между заявителем и ущербом, который он, по его утверждению, претерпел вследствие предполагаемого нарушения.

Ассоциация не может утверждать, что является жертвой мер, которые могли нарушать права ее членов, признаваемые Конвенцией (Решение Европейского Суда по делу «Ассоциация друзей Сен-Рафаэля и Фрежюса» и другие против Франции» (*Association des amis de Saint-Raphaël et de Fréjus et autres c. France*) от 29 февраля 2000 г., жалоба № 45053/98, § 18).

184. В настоящем деле ассоциация-заявитель как таковая не может утверждать, что является жертвой нарушения процессуальных прав, связанных с эффективным расследованием. Эти права принадлежат самим жертвам нарушений или родственникам погибших жертв (см., с необходимыми изменениями, Решение Европейского Суда по делу «Чонка и другие, а также Лига прав человека против Бельгии» (*Conka et autres, ainsi que la Ligue des droits de l'homme c. Belgique*), от 13 марта 2001 г., жалоба № 51564/99, и Решение Европейского Суда по делу «Ассоциация жертв терроризма против Испании» (*Asociación de víctimas del terrorismo c. Espagne*), от 29 марта 2001 г., жалоба № 54102/00, *CEDH*). Кроме того, ничто не препятствует ассоциации представлять ряд физических лиц, если известны их личности, и ассоциация имеет конкретные поручения, данные каждым из них.

185. Отсюда следует, что жалоба, поданная ассоциацией-заявителем на нарушение статей 2, 3 и 6 Конвенции несовместима *ratione personae*¹ с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению в соответствии с пунктом § 4 статьи 35 Конвенции.

186. Наконец, Европейский Суд напоминает, что, если статья 13 Конвенции гарантирует наличие в национальном законодательстве средства правовой защиты для осуществления прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, это положение применяется только к жалобам, которые являются «доказуемыми» с точки зрения Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (*Boyle et Rice c. Royaume-Uni*), от 27 апреля 1988 г., § 52, *Série A*, № 131).

187. С учетом своих выводов в отношении других частей жалобы, поданной заявителями, Европейский Суд полагает, что в настоящем деле это условие не достигнуто. Соответственно, жалоба является явно необоснованной и подлежит

отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

188. Статья 46 Конвенции предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.»

189. Европейский Суд отмечает, что установление в настоящем деле нарушения статьи 2 Конвенции в процессуальном аспекте является широко распространенной проблемой, поскольку несколько сотен лиц участвуют в качестве потерпевших в критикуемом уголовном деле. Кроме того, более 100 жалоб, аналогичных жалобе по настоящему делу, находятся на рассмотрении Европейского Суда. Они могут, следовательно, привести в будущем к вынесению новых постановлений, устанавливающих нарушение Конвенции.

190. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами, а Комитет министров осуществляет надзор за исполнением таких постановлений. Отсюда, в частности, следует, что если Европейский Суд установил нарушение Конвенции, то государство-ответчик имеет правовую обязанность не только выплатить заинтересованным лицам суммы, присужденные в качестве справедливой компенсации на основании статьи 41 Конвенции, но также избрать в рамках своего национального правопорядка под надзором Комитета министров меры общего и/или, при необходимости, индивидуального характера, чтобы положить конец нарушению, установленному Европейским Судом, и устранить, насколько это возможно, последствия нарушения. Государство-ответчик сохраняет свободу под надзором Комитета министров по выбору средств, с помощью которых оно исполнит свое правовое обязательство в соответствии со статьей 46 Конвенции (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari et Giunta c. Italie*), №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, *CEDH 2000-VIII*), при соблюдении принципа субсидиарности, так что Европейский Суд не обязан повторно устанавливать нарушение в большом количестве идентичных дел.

191. Кроме того, из Конвенции, в особенности из ее статьи 1, следует, что государства-участники, рати-

¹ *Ratione personae* (лат.) – «ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь», критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (*прим. переводчика*).

фицируя Конвенцию, обязуются обеспечить, чтобы их национальное законодательство соответствовало ей (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri c. Italie*), жалоба № 39748/98, § 47, *CEDH* 2004-I).

192. Что касается мер, обеспечивающих эффективность механизма, установленного Конвенцией, Европейский Суд обращает внимание на резолюцию (Res (2004) 3) и рекомендацию (Rec (2004) 6) Комитета министров Совета Европы, утвержденные 12 мая 2004 г.

193. Хотя в принципе в задачи Европейского Суда не входит определение того, что может являться надлежащими мерами для государства-ответчика в целях исполнения его обязательств на основании статьи 46 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что меры общего характера на национальном уровне несомненно необходимы в связи с исполнением настоящего Постановления.

194. Таким образом, Европейский Суд полагает, что государство-ответчик должно положить конец ситуации, которая в настоящем деле была признана противоречащей Конвенции, в отношении права многочисленных заинтересованных лиц, наряду с индивидуальными заявителями, на эффективное расследование, которое не устраняется истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, с учетом значения информированности румынского общества о событиях декабря 1989 г. Государство-ответчик должно предоставить адекватное средство правовой защиты, удовлетворяющее требованиям статьи 46 Конвенции, принимая во внимание принципы, установленные в прецедентной практике Европейского Суда по данному вопросу, изложенные в настоящем Постановлении (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Румпф против Германии» (*Rumpf c. Allemagne*) от 2 сентября 2010 г., жалоба № 46344/06, § 73).

195. При таких обстоятельствах Европейский Суд не считает необходимым откладывать рассмотрение аналогичных дел, находящихся на его рассмотрении, в ожидании принятия государством-ответчиком соответствующих мер. Напротив, он полагает, что продолжение рассмотрения аналогичных дел будет регулярно напоминать государству-ответчику о его обязательствах, вытекающих из настоящего Постановления (упомянувшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Румпф против Германии», § 75).

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

196. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее

право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

197. Ниже изложены требования заявителей и комментарии властей Румынии.

1. Требование супругов Влаسه о справедливой компенсации

198. Заявители просили Европейский Суд обязать румынское государство принять необходимые меры для ускорения расследования убийства их сына в целях принятия решения, отвечающего требованиям Конвенции.

199. В том же документе, касающемся требований о справедливой компенсации, они совместно требовали 60 000 000 евро с одной стороны и 200 000 евро с другой стороны в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате чрезмерной длительности расследования убийства их сына, по их мнению, непосредственно вменяемой в вину представителям государства.

200. Власти Румынии полагали, что это требование о справедливой компенсации является неясным. Кроме того, они считали его чрезмерным и необоснованным и просили Европейский Суд отклонить его.

201. Европейский Суд напоминает свою сложившуюся прецедентную практику, в соответствии с которой постановление, которым установлено нарушение, налагает на государство-ответчика правовое обязательство устранить нарушение и возместить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения. Договаривающиеся Стороны, являющиеся сторонами по делу, в принципе, свободны в выборе средств, с помощью которых соблюдается постановление, в котором Европейский Суд установил нарушение. Если характер нарушения допускает полное восстановление положения, существовавшего до нарушения (*restitutio in integrum*), государство-ответчик обязано осуществить его. Если, однако, национальное законодательство не допускает или допускает только частично устранение последствий нарушения, статья 41 Конвенции позволяет Европейскому Суду предоставить при необходимости потерпевшей стороне такое удовлетворение, которое представляется уместным (Постановление Европейского Суда по делу «Сфрижан против Румынии» (*Sfrijan c. Roumanie*) от 22 ноября 2007 г., жалоба № 20366/04, § 44).

Например, в случае нарушения статьи 6 Конвенции принцип полного восстановления

положения, существовавшего до нарушения, предполагает, что заявители должны быть поставлены в положение, насколько это возможно, в котором они находились бы, если бы отсутствовало нарушение данного положения (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сфрижан против Румынии», §§ 45–48).

202. В настоящем деле Европейский Суд напоминает свой вывод о нарушении статьи 2 Конвенции в процессуальном аспекте в связи с отсутствием эффективного расследования смерти сына заявителей и, в частности, неспособностью объединения заявителей возбудить разбирательство в суде. Таким образом, государство должно принять меры для ускорения расследования убийства Никушора Власе в целях принятия решения, отвечающего требованиям Конвенции.

203. Он также считает необходимым признание справедливой компенсации в связи с тем фактом, что власти не занимались делом о гибели сына заявителей в результате огнестрельного ранения со степенью тщательности, требуемой статьёй 2 Конвенции.

На основании представленных ему доказательств, в том числе того факта, что расследование все еще продолжается, Европейский Суд находит, что нарушение статьи 2 Конвенции в процессуальном аспекте причинило заинтересованным лицам значительный моральный вред, поскольку они были поставлены в ситуацию страдания и разочарования. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, он присуждает каждому из заявителей 15 000 евро.

2. Требование Мэриеша о справедливой компенсации

204. Первоначально заявитель требовал 200 000 евро в качестве компенсации вреда, причиненного в результате чрезмерной длительности расследования, касающегося отсутствия эффективного расследования разгона демонстраций против тоталитаризма. Моральный вред был переоценен заявителем в результате голодовок, которые он предпринял для обеспечения того, чтобы все заявители получили копии материалов уголовного дела, как указал Европейский Суд. Вред, который был переоценен таким образом 7 апреля 2010 г., составил 230 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

205. Власти Румынии полагали, что эти требования о справедливой компенсации не относились к предполагаемым нарушениям. Кроме того, они находили их чрезмерными и необоснованными и просили Европейский Суд отклонить их.

206. Европейский Суд полагает, что заявителю несомненно был причинен моральный вред. Учитывая нарушение в его отношении статьи 8

Конвенции и оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе согласно статье 41 Конвенции, он считает необходимым присудить 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

207. Все заявители также требовали 603 400 новых леев, или 150 850 евро в возмещение судебных расходов и издержек, которые они квалифицировали в качестве материального ущерба, представляющие расходы и издержки ассоциации в связи с настоящим делом, понесенные в национальных органах и Европейском Суде. Они представили телефонные и почтовые счета и документы, касающиеся поездок в Страсбург и организации демонстраций, включая расходы на восстановление Теодора Мэриеша после голодовки.

208. Они также требовали 49 400 евро в возмещение адвокатских гонораров и 14 400 евро, представляющие заработную плату двух работников ассоциации, которые работали исключительно по настоящему делу.

209. Власти Румынии полагали, что расходы, понесенные ассоциацией, не имели отношения к настоящему делу и что расходы на поездку в Страсбург не были необходимы, учитывая, что разбирательство настоящего дела осуществлялось в письменной форме и Европейский Суд не требовал явки заявителей в его заседание.

210. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, учитывая документы, представленные ему, его прецедентную практику, характер и сложность возникших вопросов, Европейский Суд считает разумной сумму в 20 000 евро в отношении разбирательства в Европейском Суде и присуждает ее заявителям. Она подлежит выплате непосредственно и совместно Антоние Попеску, Иоане Сфырэйалэ и Ионуцу Матею.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

211. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) признал жалобу на основании статей 2 и 8 Конвенции в отношении индивидуальных заявителей приемлемой, а в остальной части неприемлемой;

2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в процессуальном аспекте в отношении заявителей Николае Влаше и Елены Влаше;

3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении заявителя Теодора Мэриеша;

4) *постановил*, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статей 6, 13, 34 и 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции в отношении индивидуальных заявителей;

5) *постановил*, что:

а) государство-ответчик обязано выплатить заявителям, соответственно, в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы, а также любые налоги, подлежащие начислению, в качестве компенсации морального вреда:

i) по жалобе № 18817/08 каждому из заявителей Николае Влаше и Елене Влаше по 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро);

ii) по жалобе № 33810/07 заявителю Теодору Мэриешу 6 000 евро (шесть тысяч евро);

б) государство-ответчик обязано выплатить заявителям в течение трех месяцев со дня всту-

пления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 20 000 евро, подлежащие перечислению непосредственно и совместно Антоние Попеску, Иоане Сфырэйалэ и Ионуцу Матею, в возмещение судебных расходов и издержек;

с) суммы, указанные в предыдущих пунктах, подлежат переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты;

д) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

б) *отклонил* оставшуюся часть требований о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 24 мая 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сантьяго КЕСАДА
Секретарь
Секции Суда

Йозеп КАСАДЕВАЛЬ
Председатель
Палаты Суда